

Джордж Орвелл

ФЕРМА ЭНИМАЛ

Заказы на книгу
посылать по адресу:

Problems of Eastern Europe
P. O. BOX 566
Maspeth, New York, 11378

Джордж Орвелл

ФЕРМА ЭНИМАЛ

George Orwell

Animal Farm

Publisher: Problems of Eastern Europe, Inc.

P. O. Box 566

Maspeth, New York, 11378

USA

Перевод: В. П. (Москва, СССР)

К печати подготовили: Франтишек Силницкий,

Лариса Силницкая

и Людмила Алексеева

Художник: Лев Межберг

Набор: Рая Вайль

Russian translation copyright

by Problems of Eastern Europe, Inc.

**Publication of this book was made possible by
a grant from National Endowment for Democracy**

Printed in the U. S. A.

ДЖОРДЖ ОРВЕЛЛ

ФЕРМА ЭНИМАЛ
ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
PROBLEMS OF EASTERN EUROPE

NEW YORK

1986

MOSCOW

Владелец Мэнора мистер Джонс позапирал на ночь курятники, но о цыплячьих лазах спяну позабыл. Пошатываясь и рисуя на земле петли лучом света от фонарика, он пересек двор, скинул сапоги у задней двери, нацедил себе еще одну кружку пива из бочонка в буфетной при кухне и завалился на кровать, где уже похрапывала миссис Джонс.

Лишь только свет в спальне погас, вся усадьба пришла в движение. Еще днем по ферме пронесся слух, будто старый Майор, премированный хряк средней белой породы, прошлой ночью видел поразительный сон и желает поведать о нем другим животным. Договорились собраться на большом гумне, как только мистер Джонс надежно выйдет из строя. Старый Майор, которого Майором называли все, хотя выставлялся он под кличкой Краса Виллингдона, пользовался огромным уважением на ферме, и чтобы его послушать, всякий был готов оторвать от сна часок-другой.

Майор уже восседал на гряде соломы, на помосте, устроенном в глубине большого гумна, под лампой, которая свисала с балки. Ему было уже 12 лет,

и в последнее время его порядком разнесло, но он все еще выглядел величественно и, хотя клыки ему не подпиливали, вид у него был благоразумный и благообразный. Постепенно на гумне стали собираться и остальные животные, располагаясь поудобнее, каждое на свой лад. Первыми прибежали три собаки: Блюбель, Джесси и Пинчер, а потом свиньи, которые разлеглись на соломе сразу перед помостом. Куры прижались на подоконниках, голуби расселись на стропилах, овцы и коровы улеглись позади свиней и принялись за свою жвачку. Две ломовые лошади, Боксер и Кловер, вошли вместе и передвигались с величайшей осторожностью, расставляя свои огромные мохнатые ноги медленно и внимательно, чтобы не дай Бог не задеть какую-нибудь не заметную в соломе мелюзгу. Кловер, полная кобыла средних лет, была по-матерински добра со всеми. После рождения четвертого жеребенка она уже не восстановила своей фигуры. Боксер, здоровенный конь чуть не двухметрового роста, был вынослив как две обыкновенные лошади вместе взятые. Белая черта под носом придавала Боксеру несколько глуповатый вид, и он в самом деле не был чересчур умен, но пользовался всеобщим уважением за твердость характера и огромную работоспособность. За лошадьми появились белая коза Мюриель и осел Бенджамин. Бенджамин был старше всех на ферме и славился отвратительным характером. Говорил он очень мало, а если и открывал рот, то только ради того, чтобы ляпнуть какую-нибудь непристойность. Однажды, например, он сказал: „Бог дал мне этот хвост, чтоб я гонял им мух. Лучше б он избавил меня и от того и от другого”. В отличие от других обитателей фермы, он никогда не смеялся. Если его спрашивали, почему, он отвечал,

что нигде не видит ничего смешного. Однако, не признаваясь в этом вслух, он питал слабость к Боксеру: они часто проводили воскресные дни вдвоем на небольшой лужайке за фруктовым садом, где паслись бок о бок, никогда не разговаривая.

Две лошади как раз устраивались поудобнее, когда на гумно гуськом ввалился потерявший свою мамашу выводок утят, слабо попискивая и бросаясь то туда, то сюда, в поисках места, где бы их не затоптали. Кlover вытянула ноги и огородила ими утят. Почувствовав себя в безопасности, утята сразу же заснули. В последнюю минуту, изящно семеня копытцами и похрустывая кусочком сахара, вбежала красotka Молли, глупенькая белая кобылка, обычно возившая двуколку мистера Джонса. Она заняла место поближе к помосту и принялась потряхивать своей белой гривой, желая привлечь внимание к заплетенным в нее красным ленточкам. Кошка явилась последней, огляделась, по обыкновению выискивая уголок потеплее, и, наконец, втиснулась между Боксером и Кlover, где удовлетворенно промурлыкала в течение всей майоровой речи, пропустив мимо ушей все до единого слова.

Теперь, наконец, были в сборе все животные фермы, кроме ручного ворона Моисея, дрыхнувшего на шесте у задней двери. Лишь только Майор удостоверился, что все расположились удобно и ждут его слов со вниманием, он прокашлялся и заговорил:

— Товарищи! Вы все уже слышали, что вчера мне приснился удивительный сон. Но об этом позже. Сначала я хочу поведать вам кое-что другое. Я чувствую, товарищи, что мой долг, прежде чем я умру, — поделиться с вами приобретенными мною жизненной мудростью и опытом, — а я не уверен, что проживу среди вас еще хотя бы несколько месяцев. Я прожил

долгую жизнь и много размышлял, лежа в одиночестве в своем свинарнике. Мне кажется, что у меня есть право сказать: я понял сущность жизни на этой земле как никто из моих современников. Вот об этом я и хочу побеседовать с вами.

В чем же, товарищи, состоит сущность нашей жизни? Давайте посмотрим правде в лицо: наша жизнь коротка, тяжела и несчастна. Мы рождаемся на свет, нас кормят так, чтоб мы только не подошли, и каждого из нас, у кого есть силы, заставляют работать до последнего вздоха, а как только мы станем бесполезными, нас забивают с отвратительной жестокостью! Ни одно животное Англии в возрасте старше одного года не знает ни радостей, ни покоя! Все животные в Англии — несвободны! Правда заключается в том, что удел животных — страдание и рабский труд.

Но, может быть, таков закон природы? Может, это оттого, что наша страна так бедна, что не способна обеспечить достойную жизнь тем, кто на ней обитает? Нет, товарищи, тысячу раз нет! Благоприятные климатические условия и плодородная почва Англии могут давать пропитание гораздо большему числу животных, чем населяет ее теперь. На одной нашей ферме вполне могут жить дюжина лошадей, двадцать коров, сотни овец — в достойных условиях и с удобствами, какие вы сейчас даже не можете себе представить. Почему же тогда мы живем так, как мы живем? Потому что почти все плоды нашего труда крадут у нас двуногие твари. Здесь, товарищи, гвоздь наших проблем! Их суть заключается в одном слове: ЧЕЛОВЕК. Человек — вот наш единственный настоящий враг. Уберите Человека и коренная причина голода и изнурительных трудов будет устранена навеки.

Человек — единственное живое существо, ко-

торое потребляет, не производя. Он не дает молока, не несет яиц, он слишком слаб, чтобы таскать за собой плуг, и бегаёт так медленно, что не может поймать даже кролика. Но он повелитель всех домашних животных. Заставляя животных работать, он возвращает им лишь скудный прожиточный минимум — только чтобы они не околели с голоду, а все остальное присваивает себе. Наш труд возделывает землю, её удобряет наш навоз, но ни у кого из нас нет ничего, кроме своей жалкой шкуры. Вот вы, коровы, которых я вижу перед собой, сколько тысяч галлонов молока вы дали в этом году? и что случилось с этим молоком, которое должно было пойти на выкармливание крепких телят? Все оно, как в прорву, ушло в утробу Человека! А вы, куры, сколько яиц вы снесли в этом году? и сколько цыплят высидели? Остальные яйца проданы на рынке, а деньги пошли на Джонса и его людей! А ты, Кловер, где те четыре жеребенка, которых ты произвела на свет? Они могли бы стать опорой и отрадой твоей старости! Но все четверо проданы в годовалом возрасте и ни одного из них ты уже никогда не увидишь! И что, кроме стойла и охапки сена, ты получаешь в награду за все свои труды и рожденных в муках четырех жеребят?

Но и то жалкое существование, которое мы влачим, нам не дадут дотянуть до отмеренного природой срока. Что касается меня, то мне жаловаться грех. Я вхожу в число немногих счастливиц. Мне 12 лет, у меня было более четырехсот детей. Моя судьба отвечает естественному порядку вещей. Но, как правило, каждому из нас в итоге предназначен нож. Вы, сидящие передо мной молоденькие поросята! Не пройдет и года, и все вы распрощаетесь с жизнью, визжа от боли и страха на деревянной колоде! И этот ужасный конец подстерегает всех нас —

коров, свиней, кур, овец — всех! Даже лошадям и собакам не миновать общей судьбы. Вот ты, Боксер. В тот самый день, когда твоя могучая силища оставит тебя, Джонс продаст тебя на живодерню, где тебе перережут горло, чтобы твое мясо отдать гончим собакам. А вы, собаки, когда состаритесь и зубы ваши выпадут, Джонс привяжет вам по кирпичу на шею и утопит в ближайшем пруду.

Разве вам не ясно теперь, товарищи, что все зло нашей жизни исходит от тирании двуногих? Стоит только избавиться от Человека, и плоды нашего труда будут принадлежать нам. Почти в тот же день мы станем богаты и свободны. Итак, что же нам следует делать? А вот что: день и ночь душой и телом трудиться во имя свержения человеческой расы! Это мое завещание вам: Восстание! Я не знаю, когда Восстание грянет, быть может, уже через неделю, а может быть, только через сотню лет, но я убежден, что справедливость рано или поздно восторжествует. Это так же верно, как то, что под ногами у меня сейчас вот эта солома. На всю недолгую оставшуюся жизнь сделайте Восстание своей целью. И кроме того, передайте мой завет тем, кто придет после вас, чтобы будущие поколения довели нашу борьбу до победного конца!

И помните, товарищи: никаких колебаний! Никакими доводами не должны нас сбить с толку! Не слушайте, когда вас станут уверять, будто у человека и животного — общие интересы, что его процветание — это наше процветание. Все это ложь. Кроме самого себя Человек не нужен никому. А среди нас, животных, должно быть полное единство и подлинное товарищество по борьбе. Каждый человек — враг. Каждое животное — товарищ.

В эту минуту раздался ужасный гам. Оказывает-

ся, четыре огромные крысы незаметно выбрались из своих нор и, присев на задние лапки, тоже слушали речь Майора. Хотя и не сразу, но собаки все-таки учуяли их, и только стремительным бегством в норы крысы спасли свои шкуры. Майор приподнял переднюю ножку, призывая к тишине:

— Товарищи, — сказал он, — вот вопрос, который требует разрешения: друзья нам или враги дикие животные вроде крыс или зайцев? Давайте поставим это на голосование. Я предлагаю собранию вопрос: считать ли крыс нашими товарищами?

Голосование провели немедленно и подавляющим большинством голосов было решено, что крысы — товарищи. Только четверо голосовали против этого: три собаки и кошка, причем, как впоследствии выяснилось, кошка подняла лапу дважды, и за, и против.

Майор продолжал:

— Мне остается сказать немного. Я повторяю: помните всегда, что ваш долг — быть врагами Человека и всего образа жизни Человека. Любой двуногий — враг. Любое четвероногое, любая птица — друг. Помните, что сражаясь против Человека, вы ни в чем не должны уподобляться ему. Даже когда вы одолеете его — не перенимайте его пороков. Пусть животное никогда не живет в доме, не спит в кровати, не носит одежду, не пьет спиртного, не курит, не прикасается к деньгам, не торгует. Все обычаи Человека — зло! И самое главное: пусть животное никогда не поработает себе подобных. Сильные и слабые, разумные и не очень — все мы братья. Да не убьет животное другое животное. Все животные равны!

А теперь, товарищи, я поведаю вам свой последний сон. Пересказать его весь я просто не в силах. Это был сон о земле, какой она будет после исчезновения Человека. Но он напомнил мне о давно поза-

бытом. Много лет тому назад, когда я еще был молочным поросенком, моя мать и другие свиньи, бывало, напевали старую песню, хотя помнили только мотив, да еще три первых слова из нее. В детстве я знал эту мелодию, но с тех пор прошло много лет и она давно стерлась в моей памяти. И вот эта мелодия вдруг припомнилась мне вчерашней ночью во сне. Мало того, слова песни, которые, как я уверен, сочинили животные давным давно и которые исчезли из памяти поколений, — слова песни я тоже вспомнил! Я спою вам эту песню, товарищи. Я стар, и голос мой хрипит, но когда я научу вас мелодии и словам, вы сами споете лучше. Она называется „Все животные Британии”.

Старый Майор откашлялся и запел. Как он и предупреждал, голос у него был хриплый, но пел он совсем не плохо, и мотив у песни был бодрый, похожий одновременно на „Кукарачу” и „Клементину”. Слова были таковы:

*Все животные Британии,
Звери, птицы и скоты,
Верьте мне, что день настанет
И исполнит все мечты.*

*Власть двуногих упадет.
Вольно и единомушно
Будет жить свободный скот!*

*Знайте все: мы с вами скоро
Свергнем тяжкий гнет цепей,
Сбросим шоры мы и шпоры,
И забудем свист плетей.*

*Ждет нас сладкая свобода,
Мир прекрасней наших грез:
Покоренная природа,
Сено, клевер и овес.*

*Будет свекла кормовая,
Рис и теплая вода,
И людская воля злая
Нас оставит навсегда.*

*К цели будем мы стремиться,
Силы наши велики!
За работу, кони, птицы,
Свиньи, овцы и быки!*

*Все животные Британии
И других земель скоты,
Верьте мне, что день настанет
И исполнит все мечты!*

Эта песня привела животных в дикое возбуждение. Майор еще не кончил ее петь, а они уже подхватили песню сами. Даже самые глупые из них сразу же усвоили мотив и часть слов, а что касается самых разумных, таких как свиньи и собаки, то они за несколько минут запомнили всю песню наизусть.

И после нескольких предварительных попыток вся ферма в потрясающем единстве разразилась „Животными Британии”. Коровы мычали эту песню, собаки ее выли, овцы блеяли ее, лошади ржали, утки кричали ее. Они были в таком восторге от песни, что спели ее пять раз кряду и пели бы еще всю ночь, если бы их не прервали.

Шум, к несчастью, разбудил мистера Джонса, который вскочил с кровати в полной уверенности, что во двор забралась лиса. Он схватил ружье, кото-

рое всегда стояло в углу его спальни, и выпалил в темноту зарядом картечи шестого калибра. Несколько картечин попало в стену гумна и все скопище моментально распалось. Все разбежались по своим углам. Птицы залетели на шестки, животные улеглись в солому и очень скоро вся ферма погрузилась в сон.

II

Три ночи спустя старый Майор мирно скончался. Он заснул и уже не проснулся. Его тело погребли на окраине фруктового сада.

Это произошло в начале марта. В течение следующих трех месяцев на ферме шла бурная тайная деятельность. Речь Майора наиболее разумным животным фермы открыла совершенно новый взгляд на жизнь. Они не знали, когда начнется предсказанное Майором Восстание, у них не было оснований полагать, что они до этого доживут, но они ясно осознали, что их долг — готовить его. Все бремя организации и обучения легло на плечи свиней, которые, по общему признанию, были самыми одаренными среди животных. Особенно выделялись два племенных кабана, Наполеон и Снежок, которых мистер Джонс выращивал на продажу. Наполеон, единственный на ферме хряк беркширской породы, был довольно свиреп на вид. Он не умел говорить красиво, но все уважали его за целеустремленность. Снежок был бойчей, изобретательней и гораздо острее на язык, но многие считали, что у него нет такой глубины характера. Еще нескольких холощеных кабанов мистер Джонс откармливал на убой. Наибольшей

известностью среди них пользовался толстый маленький боров по кличке Визгун с округлыми щечками, мигающими глазками, проворными движениями и пронзительным голосом. Он был блестящим оратором, и когда доказывал какое-нибудь особенно трудное положение, имел обыкновение прыгать из стороны в сторону и подергивать своим хвостиком, что всегда как-то очень убеждало. О Визгуне говорили, что он из черного может сделать белое.

Эти трое развили учение старого Майора в законченную систему взглядов, которую они называли Энимализмом.¹ Ночами, по нескольку раз в неделю, как только мистер Джонс засыпал, они устраивали тайные сборища на гумне, где излагали принципы Энимализма другим животным. Поначалу они сталкивались с определенным непониманием или безразличием. Некоторые животные говорили о долге повиновения мистеру Джонсу, которого они называли „Хозяин“, выдвигая примитивные доводы типа: „Мистер Джонс кормит нас. Если его не станет, мы передохнем с голоду“. Другие задавали вопросы вроде: „Зачем нам заботиться о том, что произойдет только после нашей смерти?“ или „Если Восстание в любом случае неизбежно, то какая разница, будем мы его готовить или нет?“, и нелегко было свиньям убедить их, что такие высказывания противоречат духу Энимализма. Самые глупые вопросы задавала белая кобылка Молли. Первое, что она спросила у Снежка, это будет ли после Восстания сахар?

— Нет, — твердо ответил Снежок, — У нас нет никаких средств для производства сахара на этой ферме. Да тебе и не нужен будет сахар. У тебя будет овса и сена, сколько ты захочешь.

¹ от англ. „энимал“ — животное. — В. П.

— А можно мне будет вплетать в гриву ленточки? — спросила Молли.

— Товарищ, — сказал Снежок, — эти твои любимые ленточки — не что иное, как символ рабства. Неужели ленточки тебе дороже свободы? Я уверен, что нет!

Молли согласилась, но ее согласие не выглядело очень искренним.

Еще более тяжелую борьбу выдержали свиньи, опровергая вредные выдумки ручного ворона Моисея. Любимчик мистера Джонса Моисей был стукачом и сплетником, но ему нельзя было отказать в уме и ораторском искусстве. Он утверждал, будто после смерти все животные попадают в страну, которая называется Леденцовые Горы. Моисей уверял, что эти Леденцовые Горы находятся где-то высоко в небе, за облаками. Там семь воскресений на неделе, клевером кормят круглый год, а колотый сахар и льняные жмыхи растут прямо на заборах. Животные недолюбливали Моисея за доносы и безделье, но многие верили в Леденцовые Горы, и свиньям пришлось потратить немало усилий, доказывая, что нет нигде такой страны.

Наиболее верными учениками свиней оказались обе ломовые лошади, Боксер и Кlover. Они с огромным трудом могли бы что-нибудь выдумать сами, но признав однажды свиней своими учителями, они принимали все, что те говорили, на веру, и в доходчивых выражениях объясняли это другим животным. Они никогда не пропускали тайных собраний на гумне и первыми запевали „Всех животных Британии”. Собrania всегда заканчивались пением этой песни.

Вышло, однако, так, что Восстание победило гораздо раньше и намного легче, чем кто-либо ожидал. Мистер Джонс, хотя и был жестоким хозяином, но

в прежние годы фермерствовал успешно. Теперь же он вдруг попал в полосу неудач. Проиграв кому-то тяжбу и потеряв на этом деньги, он затосковал и предался неумеренному пьянству. Иногда целыми днями он сидел на кухне, развалиясь в виндзорском кресле, листал газеты, тянул спиртное и кормил Моисея размоченными в пиве хлебными корками. Его работники бездельничали и воровали, поля заросли сорной травой, крыши зияли дырами, живые изгороди были совсем запущены, а скотина постоянно недокормлена.

Подошел июль, и сено почти созрело для уборки. В канун дня летнего солнцестояния, в субботу, мистер Джонс отправился в Виллингдон и там до того нарезался в „Красном Льве”, что в воскресенье возвратился домой только к середине дня. Рано утром его люди подоили коров, а потом отправились охотиться на зайцев, даже не позаботившись накормить животных. Вернувшись, мистер Джонс сразу же завалился на диван и заснул, прикрыв лицо газетой „Ньюз оф де Уорлд”, так что и к вечеру животные остались голодными. Наконец, терпение у них лопнуло. Одна из коров вышибла рогами двери амбара и голодные животные набросились на мешки с зерном. Как раз в это время мистер Джонс, наконец, проснулся. Уже через минуту он и четверо его людей ворвались в амбар с бичами и принялись хлестать всех, кто только попадался под руку. Этого животные уже не могли вынести. Хотя заранее они ни о чем подобном не сговаривались, тут они бросились на мучителей. Джонс и его люди вдруг увидели, что их со всех сторон бьют рогами и копытами. Положение полностью вышло из-под их контроля. Прежде они никогда не видывали, чтобы скотина вела себя таким образом, и это внезапное возмущение тварей, кото-

рых они привыкли пороть и которыми они помыкали как вздумается, ошеломило их. Пустив в ход сапоги, пару минут они еще пытались обороняться. Но еще через минуту все пятеро пустились в бегство по проселку, ведущему к главной дороге, а животные, торжествуя, преследовали их.

Когда миссис Джонс выглянула во двор из окна спальни и увидела, что там творится, она поспешно покидала кое-какие пожитки в саквояж и выскользнула с фермы другой дорогой. Моисей снялся со своего шеста и, громко каркая, полетел за нею вслед. Между тем, животные уже прогнали Джонса и его работников и захлопнули за ними обитые железными скрепами главные ворота фермы. Вот так, даже еще не осознав случившегося, животные свершили победоносное Восстание: Джонс был изгнан, а ферма Мэнор перешла к ним.

Первые минуты животные едва поверили в свою удачу. Одержав эту победу, они первым делом проскакали все вместе галопом вдоль всех границ фермы, как бы для того, чтобы увериться совершенно, что от них не укрылось ни одно отродье рода человеческого. А потом они помчались назад в усадьбу, чтобы вымести последние следы ненавистной тирании Джонса. Они взломали дверь в сарай для упряжи на конюшне и утопили в колодце удила, кольца для ноздрей, собачьи цепи, ужасные ножи, которыми Джонс обычно кастрировал поросят и ягнят. Поводья, уздечки, шоры, унижительные торбы они побросали в подоженную мусорную кучу во дворе. Туда же закинули и бичи, и когда они заполыхали, животные запрыгали от радости. Ленты, которые вплетали в лошадиные хвосты и гривы по праздничным дням, Снежок также бросил в огонь.

— Ленты, — сказал он, — следует рассматривать

как одежду, каковая является отличительной чертой расы двуногих. Животные должны блюсти свою наготу.

Услышав это, Боксер вынес маленькую соломенную шляпку, которой он летом прикрывал от мух свои уши, и тоже предал ее огню.

После того как они уничтожили эти следы владычества Джонса, Наполеон повел их назад к амбару и выдал всем двойную норму зерна, а каждой собаке по два сухарика. А потом, семь раз подряд спев „Животных Британии”, они разошлись по местам и заснули так крепко, как не спали никогда.

На рассвете они по привычке проснулись и, тут же вспомнив, что произошло накануне, бросились все вместе на пастбище. Здесь на лугу находился холм, с которого открывался вид на всю ферму. Животные вбежали на этот холм и в ярком утреннем свете огляделись кругом. Это были их владения — все, что они видели, принадлежало им! Придя в экстаз от осознания этого, они носились по кругу и возбужденно подпрыгивали, катались по росе, набивали рты сладкой летней травой, копытами взрывали черную землю и вдыхали ее вкусный запах.

Потом они устроили торжественный обход всей фермы и в немом восхищении обозрели пашни и луга, сад, пруд и рошу. Они как будто никогда не видели всего этого раньше, и даже сейчас им с трудом верилось, что теперь все это принадлежит им, животным.

Вернувшись в усадьбу, они молча остановились у дверей жилого дома. Дом теперь тоже принадлежал им, но они как-то побаивались войти внутрь. Через минуту, однако, Снежок и Наполеон толчком распахнули двери и животные гуськом вошли в дом, ступая с величайшей осторожностью из опасения

перевернуть что-нибудь. Они переходили из комнаты в комнату на цыпочках, боясь выговорить слово даже шепотом и с каким-то благоговейным ужасом глядя на невероятную роскошь, — на кровати с пуховыми перинами, на зеркала, на диван, набитый конским волосом, на брюссельский ковер и литографию с изображением королевы Виктории, стоявшую на камине в гостиной. Когда, спускаясь по ступенькам, они выходили из дома, кто-то вдруг заметил исчезновение Молли. Пришлось вернуться назад и тут выяснилось, что Молли застряла в самой роскошной спальне. Взяв кусок голубой ленты с туалетного столика миссис Джонс, Молли примеряла его себе через плечо, с глупейшим видом любуясь своим отражением в зеркале. Ее жестоко выругали и покинули дом. Несколько окороков, висевших на кухне, взяли с собой для погребения, да еще Боксер проломил ударом копыта пивной бочонок в буфетной, — больше в доме ничего не тронули. Тут же на месте они приняли единодушное решение сохранить здание для музея. Все были согласны в том, что никто из них жить здесь никогда не будет.

После завтрака Снежок и Наполеон вновь собрали всех обитателей фермы.

— Товарищи! — сказал Снежок, — уже половина седьмого, и впереди у нас долгий день. Сегодня мы начнем заготовку сена. Но сначала нам предстоит еще одно неотложное дело.

Свињи открылись, что за последние три месяца они выучились читать и писать — по старому букварю, когда-то принадлежавшему детям мистера Джонса и давно выброшенному на свалку. Наполеон послал за ведрами с черной и белой краской и повел всех вниз, к выходившим на главную дорогу воротам, которые были окованы пятью железными скре-

пами. Там Снежок (а именно Снежок выучился писать лучше всех), схватив кисть, замазал слова „Ферма Мэнор” на верхней железной планке и вместо этого вывел: „Ферма Энимал”. Таково отныне будет название фермы. После этого они возвратились в усадьбу, где Снежок и Наполеон послали за стремянкой, велел приставить ее к боковой стене большого гумна. Они объяснили, что трехмесячными усилиями свиней принципы Энимализма сведены теперь к СЕМИ ЗАПОВЕДЯМ. Эти СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ будут теперь начертаны на стене. Они образуют нерушимый закон, в соответствии с которым отныне и навеки будут жить все животные Фермы Энимал. Не без труда (потому что свинье нелегко удержать равновесие на ступеньках лестницы) Снежок взобрался наверх и принялся за работу, а Визгун несколькими ступеньками ниже держал ведро с краской. Заповеди были выведены большими белыми буквами на просмоленной стене, и каждый мог прочесть эти буквы с тридцати ярдов. Они гласили:

СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ

1. *Всякое двуногое существо – ВРАГ.*
2. *Всякое четвероногое или пернатое существо – ДРУГ.*
3. *Животное да не носит одежду.*
4. *Животное да не спит в кровати.*
5. *Животное да не пьет спиртное.*
6. *Да не убьет животное другое животное.*
7. *Все животные равны.*

Все это было выведено очень красиво и, не считая того, что вместо „друг” на самом деле получилось „дург”, да еще буква „с” смотрела в одном

месте не в ту сторону, все остальное было написано совершенно правильно. Снежок огласил текст Заповедей. Все согласно закивали, а самые умные из животных тут же принялись заучивать Заповеди наизусть.

— А теперь, товарищи, — сказал Снежок, отбросив кисть, — на сенокос! Уберем сено быстрее, чем это удавалось Джонсу и его людям, — пусть это будет делом нашей чести!

В эту минуту все три коровы, которые давно проявляли признаки беспокойства, громко замычали. Бедняг не доили уже целые сутки и они готовы были лопнуть от переполнявшего их молока. После недолгих размышлений свиньи послали за подойниками и справились с делом довольно успешно — раздвоенные копытца свиней, как оказалось, были вполне приспособлены для этой задачи. После дойки набралось целых пять ведер пенящегося жирного молока, на которое многие из животных поглядывали с определенным интересом.

— Что мы будем делать с этим молоком? — спросил кто-то.

— Джонс иногда добавлял молоко в наше пойло, — сказала какая-то курица.

— Не думайте о молоке, товарищи, — воскликнул Наполеон, заслонив молочные ведра собою. — Об этом позаботятся Сенокос сейчас важнее. Товарищ Снежок поведет вас. Я присоединюсь к вам через несколько минут. Вперед, товарищи! Дело не ждет!

И животные строем зашагали на работу. Вернувшись вечером, они заметили, что молоко исчезло.

III

Как они работали и сколько пота пролили на этом сенокосе! Но труды их не пропали даром, потому что уборка превзошла их ожидания.

Иногда работать было очень трудно: орудия были приспособлены для двуногих существ, а не для животных, и главным препятствием было то, что ни одно из животных не могло справиться с теми инструментами, применение которых требовало хождения на задних лапах. Свиньи, однако, были довольно изобретательны и так или иначе находили выход из положения. Что же касается лошадей, то они прекрасно знали каждую пядь земли и понимали в косьбе и скирдовании едва ли не больше, чем Джонс и его люди. Свиньи, как на деле вышло, не принимали непосредственного участия в работах, а только руководили и надзирали за остальными, — руководство легло на них, благодаря превосходству в знаниях, самым естественным образом. Боксер и Кlover впрягались в сенокосилку или тяжелые грабли на конной тяге и упорно ходили кругами по лугу, а свинья шла сзади и по мере необходимости отдавала команды: „Но-о, товарищ! Пошел!” или „Тпру, товарищ! Тпру!”. Удила и поводья, конечно же, были теперь не

нужны. Все животные, вплоть до самых мелких, приняли участие в ворошении и уборке скошенного сена. Даже утки и куры весь день трудились на солнце-пеке, нося крохотные пучочки травы в своих клювах. В итоге они разделались с сенокосом на два дня раньше, чем работники Джонса в прошлом году. Мало того, такого большого сбора сена ферма вообще никогда раньше не видела. Уборку удалось провести совершенно без потерь, зоркие куры и утки подобрали с полей все до последнего стебелька. И ни одно животное не украло ни травинки.

Все лето дела на ферме шли как по маслу. Животные никогда в жизни даже не подозревали, что могут чувствовать себя такими счастливыми. Каждый глоток пищи доставлял им самое острое наслаждение, потому что это теперь и вправду была их пища, которую они сами произвели для себя, а не подача жадного хозяина. Теперь, когда никчемные двуногие паразиты исчезли, несмотря на всю неопытность животных, и еды и свободного времени для отдыха у них было больше. Их ожидали многочисленные непредвиденные трудности, например, в самом конце сезона, во время уборки хлеба, пришлось по дедовским рецептам вытаптывать колосья, а провеивать зерно — силой собственного дыхания, потому что ни молотилки, ни веялки на ферме не было. Но сообразительность свиней и мощная мускулатура Боксера помогали выпутываться из всех затруднений.

Непомерные силы Боксера были предметом всеобщего восхищения. И во времена Джонса он был усердным работником, теперь же он просто работал за троих. Бывали дни, когда казалось, будто все на ферме держится на его могучих плечах. С утра до ночи он таскал или подталкивал, всегда находясь там, где труднее. Он договорился с петухом, чтобы

тот будил его по утрам на полчаса раньше всех остальных, и до начала дневных работ один добровольно трудился там, где, как казалось, это было всего нужнее. В ответ на любое затруднение, на каждую неудачу он говорил: „Я буду работать еще лучше!” Эти слова стали его девизом.

Но и все остальные старались в меру своих сил. Куры и утки, например, подбирая упавшие колоски, сберегли зерна на целых пять бушелей. Никто не крал, никто не жаловался на еду, а ссоры, взаимные щипки и зависть, которые в прежние времена были повседневным явлением, теперь совсем исчезли. Никто не ленился — или почти никто. Молли, правда, не очень хорошо поднималась по утрам, и имела обыкновение уходить с работы пораньше под предлогом мозолей на копытах. Странновато выглядело поведение кошки. Очень скоро все заметили, что ее обычно невозможно найти перед началом работ, она пропадала где-то часами, — а потом, как ни в чем ни бывало, приходила к обеду или вечером после окончания рабочего дня. Но у нее всегда были такие исключительные уважительные причины и мурлыкала она так проникновенно, что усомниться в ее добрых намерениях было невозможно.

Старый осел Бенджамин, казалось, нисколько не изменился после Восстания. Он выполнял свою работу с той же неторопливой тщательностью, как при Джонсе, никогда не филонил, но и не надрывался на добровольных сверхурочных. О Восстании и его последствиях он своего мнения не высказывал. Когда его прямо спрашивали, чувствует ли он себя счастливее после изгнания Джонса, он обыкновенно произносил что-нибудь вроде:

— Ослы живут долго. Никто из вас еще не видел дохлого осла.

Приходилось довольствоваться этим туманным ответом.

По воскресеньям не работали. Завтракали на час позже, чем обычно, а после завтрака происходила церемония, которая неукоснительно соблюдалась каждую неделю. Сначала подымали флаг. Снежок нашел в сарае для упряжи старую зеленую скатерть миссис Джонс и белой краской намалевал на ней рог и копыто. Каждое воскресное утро поднимали теперь эту скатерть на флагштоке бывшего жилого дома. „Зеленый цвет нашего знамени, – объяснял Снежок, – обозначает луга и поля Англии, а копыто и рог символизируют грядущую Республику Животных, которую мы создадим после полного и окончательного низвержения рода человеческого”. После подъема флага все животные собирались на большом гумне на общее заседание, известное как Митинг. Здесь намечались работы на предстоящую неделю и велось обсуждение предлагаемых резолюций. Авторами этих резолюций всегда были свиньи. Другие животные скоро усвоили сам обычай голосования, но собственных предложений не выдвигали. Активнее всех в обсуждении участвовали Снежок и Наполеон. Было, однако, замечено, что эта парочка никогда ни в чем не бывает согласна. Что бы ни предлагал один из них, другой непременно был против. Даже когда возникла идея – сама по себе не вызвавшая разногласий – небольшой лужок за садом отвести под пастбище для тех животных, которые по старости утратят трудоспособность, Снежок и Наполеон сцепились по вопросу о пенсионном возрасте для каждой породы животных. Митинг всегда оканчивался пением „Всех животных Британии”. Послеобеденное время отводилось для воскресных развлечений.

Свиньи превратили сарай, где раньше хранилась

упряжь, в свою штаб-квартиру. Вечерами по книгам, вынесенным из дома, они изучали здесь кузнечное дело, плотницкое искусство и другие необходимые ремесла. Снежок кроме этого занялся созданием „животкомов”, или Животных Комитетов. В этом ему не было равных. Он организовал Комитет по Производству Яиц для кур и Лигу Чистых Хвостов для коров, Комитет Перековки Диких Товарищей (с целью перевоспитания крыс и зайцев), Движение за Более Белую Шерсть для овец и многое другое, помимо обучения чтению и письму. В своем большинстве эти затеи потерпели крах. Попытка приручить диких животных провалилась почти с самого начала. Они продолжали жить по-прежнему, а когда к ним проявляли великодушие, просто старались извлечь из этого всевозможные выгоды. В Комитет Перековки вошла кошка и в течение нескольких первых дней работала в нем очень активно. Однажды ее видели сидящей на крыше, где она проводила беседу с воробьями, которые, впрочем, были за пределами ее досягаемости. Она говорила им, что все животные теперь товарищи и что любой воробей, если захочет, может подлететь и посидеть у нее на лапке, но воробьи держали дистанцию.

Занятия чтением и письмом, впрочем, пользовались большим успехом. К осени каждое животное на ферме в той или иной степени повысило свой общеобразовательный уровень.

Что касается свиней, то они давно овладели грамотой в совершенстве. Сравнительно неплохо выучились читать собаки, но если не считать Семи Заповедей, чтение их мало интересовало. Коза Мюриель читала даже лучше собак и иногда по вечерам, бывало, зачитывала для окружающих обрывки газетных статей, которые ей попадались на помойке. Бенджа-

мин читал не хуже любой свиньи, но своих способностей он никогда не применял. „Насколько я знаю, — говорил он, — на свете нет ничего такого, что действительно стоит прочесть”. Кlover выучила весь алфавит, но слова складывать не умела. Боксеру не удалось пойти дальше буквы „Г”. Он своим огромным копытом обыкновенно выводил в пыли буквы А, Б, В, Г, а потом стоял и вглядывался, сдвинув уши назад, потряхивая временами гривой и стараясь изо всех сил припомнить, что там еще дальше, и всегда безуспешно. Иногда, правда, он брался учить Д, Е, Ж, З, но к тому моменту, когда он осваивал их, оказывалось, что буквы А, Б, В, Г улетучились из его памяти. Наконец, он решил удовлетвориться четырьмя первыми буквами алфавита и обыкновенно писал их дважды или трижды на дню, чтобы освежить их в памяти. Молли отказалась учить что-либо еще кроме литер, из которых складывалось ее имя. Она очень искусно выстраивала их из прутиков, украшала парой-другой цветочков и разгуливала вокруг, не сводя с них восхищенного взора.

Все остальные не продвинулись дальше буквы „А”. Кроме того, выяснилось, что самые неспособные животные, например овцы, куры и утки, не в силах выучить наизусть даже Семь Заповедей. После некоторых размышлений Снежок объявил, что Семь Заповедей можно на деле свести к единственному принципу, а именно: „Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо”. „Этот принцип, — сказал он, — вполне выражает сущность Энимализма. Всякий, кто его прочно усвоил, застрахован от человеческого влияния”. Птицы сначала возражали, потому что им показалось, будто у них тоже две ноги, но Снежок с легкостью переубедил их.

— Птичье крыло, товарищи, — сказал он, — не

есть орган действия или преступного бездействия. Крыло — орган передвижения, то есть нога. Отличительный признак Человека — это рука, орудие его многочисленных злодеяний.

Птицы не поняли длинных слов, которые употребил Снежок, но приняли его объяснение. Животные не слишком одаренные все до единого приняли заучивать новый афоризм наизусть. Слова **ЧЕТЫРЕ** — **ХОРОШО**, **ДВЕ** — **ПЛОХО** начертали на боковой стенке гумна выше Семи Заповедей и более крупными буквами. Выучив это правило наизусть, овцы очень полюбили его. Лежа на лугу, они часто начинали блеять хором: „Четыре — хорошо, две — плохо, четыре — хорошо, две — плохо..” и могли твердить это часами, нисколько не уставая.

Наполеон к Комитетам Снежка не проявлял видимого интереса. Он говорил, что забота о подрастающем поколении гораздо важнее и перспективнее всего, что можно сделать для взрослых. Джесси и Блюбель оценились сразу после сенокоса, родив обе в общей сложности девятых щенят. Как только они смогли обходиться без материнского молока, Наполеон забрал щенят, сказав, что сам займется их воспитанием. Он поселил щенят на чердаке, куда можно было попасть только по приставной лестнице из сарая для упряжи, и содержал их там в таком уединении, что на ферме скоро забыли о том, что они вообще есть.

Тайна исчезновения молока раскрылась быстро. Это молоко каждый день замешивали в свиное пойло. Подоспели ранние сорта яблок и сад завалило падалицей. Животные считали самым собою разумевшимся, что эти яблоки следует делить поровну, но тут последовал приказ собрать их все вместе в сарай для упряжи — в распоряжение свиней. Тут некото-

рые из животных было возроптали, но без толку. Все свиньи придерживались единого мнения по этому вопросу, даже Снежок и Наполеон. Миссия разъяснить необходимость такого решения была возложена на Визгуна.

— Товарищи! — возгласил Визгун. — Вы, надеюсь, не вообразили себе, что мы, свиньи, — просто эгоисты, жаждем привилегий — и поэтому пьем молоко и лопаем яблоки? На самом деле многие из нас не любят ни молока, ни яблок. Я сам, например, их терпеть не могу! Единственная цель, которую преследует данное решение, — это поддержать наше здоровье. Молоко и яблоки (и это научно доказанный факт, товарищи!) содержат вещества, совершенно необходимые для здоровья свиней. Мы, свиньи, — животные умственного труда, мы — руководящая и направляющая сила этой фермы. День и ночь мы заботимся о всеобщем благосостоянии. Это ради ВАС мы пьем это молоко и питаемся яблоками! Знаете ли вы, что будет, если мы, свиньи, не сможем больше справляться со своими обязанностями? Джонс вернется! Да-да, Джонс вернется! Неужели, товарищи, — вопил Визгун почти умоляюще, прыгая из стороны в сторону и подергивая хвостиком, — неужели кто-нибудь из вас хочет снова увидеть Джонса?

Уж если и было что-то на свете, в чем животные были уверены, так это в том, что они не желают возвращения Джонса. Как только вопрос о яблоках представился им в этом свете, им уже нечего стало возразить. Важность поддержания свиней в добром здравии была совершенно очевидной. Без дальнейших споров было решено, что молоко и попадавшие яблоки (а заодно и основной урожай яблок, как только они созреют) пойдут только на свиней.

IV

К концу лета слухи о том, что происходит на Ферме Энимал, облетели всю округу. Каждый день Снежок и Наполеон снаряжали стаи голубей, давая им одно и то же задание: заводить связи с домашней скотиной на соседних фермах, рассказывать им историю Восстания и обучать их пению „Всех животных Британии”.

Почти все это время мистер Джонс провел в пивном баре „Красный Лев” в Виллингдоне, жалуясь всем, у кого была охота его слушать, на постигшую его чудовищную несправедливость, на подлых, ничтожных скотов, осмелившихся посягнуть на священное право частной собственности. Другие фермеры в общем сочувствовали ему, но на первых порах никакой особенной помощи не оказали. Каждый из них в душе надеялся извлечь из неприятностей Джонса какую-нибудь пользу для себя. К счастью для животных, владельцы двух ближайших соседних ферм на дух не выносили друг друга. Земли обширной, но запущенной фермы Фоксвуд сильно заросли кустарником, хозяйство там велось по старинке, пастбища были истощены, а живые изгороди находились в безобразном состоянии. Владелец Фоксвуда мистер Пилькингтон, человек благородного проис-

хождения и легкомысленный, большую часть своего времени проводил, смотря по сезону, на рыбалке или охоте. Ферма Пинчфильд была поменьше, но содержалась лучше. Владелец ее мистер Фредерик, упрямый и желчный человек, постоянно был занят тяжбой с соседями и слыл любителем набить цену. Мистер Пилькингтон и мистер Фредерик до того не любили друг друга, что даже во имя защиты своих собственных интересов вряд ли могли о чем-нибудь договориться.

Тем не менее, их обоих не в шутку напугало восстание на Ферме Мэнор и они были сильно озабочены тем, как бы предотвратить распространение слишком подробных сведений о нем среди своих животных. Сначала они делали вид, будто их смешит сама мысль о домашней скотине, самостоятельно управляющей на ферме. „Все это кончится в течение двух недель”, — говорили они. Они распускали слухи, будто животные на ферме Мэнор (они не выносили названия „Ферма Энимал” и упорно продолжали именовать ее по-старому) все время дерутся друг с другом и дохнут от голода. Когда прошло время, а животные от голода явно не вымерли, Фредерик и Пилькингтон сменили пластинку и стали твердить об ужасных пороках, царящих на ферме. Они утверждали, что животные там практикуют каннибализм, пытаются друг друга раскаленными докрасна подковами и ввели общность жен. „Вот к чему приводит восстание против законов Природы”, — говорили Фредерик и Пилькингтон.

Тем не менее в полной мере этим рассказням никто не верил. Слухи о ферме чудес, откуда изгнали людей и где животные сами управляют своими делами, продолжали циркулировать в смутном и искаженном виде, и в течение года по всей стране

прокатилась волна неповиновения. Быки, которые раньше всегда вели себя дисциплинированно, вдруг превращались в бешеных диких зверей, овцы ломали изгороди и объедали посевы клевера, коровы опрокидывали подойники, верховые лошади вместо того, чтобы брать препятствие, перебрасывали через него седока. А кроме того, мелодия и даже слова „Всех животных Британии” стали известны повсюду. Они распространялись с поразительной быстротой. Двунogie не могли сдержать своей ярости, когда слышали эту песню, хотя и делали вид, что она им кажется просто смешной. Они говорили, что не могут себе представить, как это, даже будучи безмозглой скотиной, можно петь такую галиматью. Но любое животное, застигнутое за пением, запарывали до полусмерти. И все-таки с песней было невозможно справиться. Черные дрозды высвистывали ее из кустов живой изгороди, голуби нашептывали ее с вязов, она перебивала громыхание кузниц и звоны церковных колоколов. И когда люди слышали ее, они втайне трепетали, чувствуя в ней предвестие своей будущей гибели.

В начале октября, когда урожай был снят, сложен в стога и частично обмолочен, стайка голубей, сделав круг в воздухе, в дичайшем возбуждении опустилась во дворе Фермы Энимал. Как оказалось, Джонс со своими людьми и полдюжиной добровольцев из Фоксвуда и Пинчфильда вторгся на территорию фермы через ворота, окованные пятью железными скрепами, и направляется вверх по проселку, ведущему к усадьбе. Вооружены они были палками, а Джонс шествовал впереди всех с ружьем в руках. Намерения людей были очевидны: они явно собирались отбить ферму.

Этого давно ожидали и все необходимые приго-

товления были сделаны заранее. Оборону фермы возглавил Снежок, который изучил старую, найденную в доме книгу о походах Юлия Цезаря. Он быстро отдал нужные приказания, и уже через пару минут каждое животное заняло свое заранее назначенное место.

Первую атаку Снежок предпринял, как только люди приблизились к усадьбе. Все 35 голубей взлетели разом и закружились над головами захватчиков, забрасывая их липким пометом, а пока внимание людей было отвлечено голубями, вперед выскочили спрятанные за оградой гуси и принялись злейшим образом щипать их за икры. Это была как бы небольшая разведка боем с целью внести в ряды противника некоторое замешательство. Люди легко отбились от гусей палками. Но тут Снежок задействовал вторую линию обороны. Все овечье стадо во главе с самим Снежком, а с ними Мюриель и Бенджамин лавиной ринулись на людей и кололи их рогами, толкали со всех сторон, а Бенджамин, развернувшись задом, лупил врагов своими крохотными копытцами. И опять люди легко отбились палками и коваными сапогами, и тогда, по пронзительному визгу, который был условным сигналом к отходу на заранее подготовленные позиции, все животные разом повернули назад и через открытые ворота вбежали во двор.

У людей вырвался крик торжества. Они увидели — так им показалось — паническое бегство животных и без всякого порядка ринулись за ними вслед. Как раз этого и добивался Снежок. Как только люди достаточно далеко углубились во двор, три лошади, три коровы и все свиньи, которые залегли в засаде, спрятавшись в коровнике, внезапно возникли у них в тылу, отрезав путь к отступлению. Снежок

дал сигнал к атаке, а сам бросился прямо на Джонса. Увидев это, Джонс поднял ружье и выстрелил. Дробь прочертила глубокие кровавые раны на спине Снежка, а одна овца упала замертво. Ни на секунду не останавливаясь, Снежок налетел на Джонса всем своим телом весом в шесть пудов, бросившись ему под ноги. Джонс опрокинулся в навозную кучу, и ружье вывалилось из его рук. Но особенно устрашающее впечатление на захватчиков произвел Боксер. Он вставал на дыбы и бил своими огромными, подбитыми железом копытами как бешеный. Первый же его удар настиг молодого конюха из Фоксвуда, который получил копытом по черепу и распростерся в грязи, не подавая признаков жизни. При виде этого несколько человек отшвырнули свои дубины и обратились в бегство. Двуногих охватила паника, и уже в следующую минуту животные гонялись за ними по всему двору. Их кололи рогами, били копытами, кусали и топтали. Не было такого животного на ферме, которое бы, каждое, как умело, не свело бы с ними своих счетов. Даже кошка неожиданно прыгнула с крыши на плечи пастуха и запустила ему в горло свои когти, от чего тот в ужасе завопил. В ту минуту, когда ворота вдруг оказались свободными, люди уже были рады возможности вырваться за пределы двора и удрать по главной дороге. Уже через пять минут после вторжения во двор двунogie постыдно убегали тем же путем, которым пришли, а следом за ними громко шипя бежали гуси и щипали их за икры.

Все люди, за исключением одного, покинули ферму. Вернувшийся во двор Боксер потрогал копытом конюха, который ничком лежал в грязи, и попытался перевернуть его. Парень не шевельнулся.

— Он умер, — сказал Боксер печально. — Я не

хотел этого. Я забыл про свои подковы. Кто поверит, что я сделал это не нарочно?

— К чему сентиментальность, товарищ! — воскликнул Снежок. Из ран Снежка сочилась кровь. На войне как на войне. Только мертвый двуногий — хороший двуногий.

— Я никогда не хотел убивать даже двуногих, — повторял Боксер, и глаза его были полны слез.

— А где Молли? — воскликнул кто-то.

И действительно, Молли пропала. На минуту возник великий переполох, так как все за нее испугались. Что с нею сделали люди — может быть, увели в плен? В конце концов, однако, Молли удалось отыскать в ее собственном стойле, где она лежала, ничего не видя и не слыша, спрятав голову под сеном в яслях. Она убежала с поля боя, как только раздался выстрел. А когда, посмотрев на нее, все вернулись во двор, конюх, которого Боксер, оказывается, не убил, а только оглушил, исчез из усадьбы.

Все еще в крайнем возбуждении животные вновь собрались все вместе, шумно делясь рассказами о своих боевых подвигах. Тотчас же было устроено импровизированное празднество. Был поднят флаг, несколько раз спели „Животных Британии” и предали торжественному погребению погибшую в битве овцу. На ее могиле высадили куст боярышника. Снежок произнес небольшую надгробную речь, упирая в своем выступлении на необходимость — если понадобится — всем погибнуть в бою за Ферму Энимал.

Единодушно было решено учредить боевой орден „Животное-Герой ” первой степени, которым тут же наградили Снежка и Боксера. Этот орден представлял собой медный жетон (а в сарае для упряжи обнаружилось несколько старых медных блях) для

ношения по праздникам и воскресным дням. Было учреждено и звание „Животное-Герой” второй степени, посмертно присвоенное погибшей овце.

Долго спорили о том, как будет называться выигранное сражение. В конце концов назвали его „Битвой у Коровника”, поскольку именно в коровнике была устроена засада, решившая исход битвы. В грязи отыскалось ружье мистера Джонса, а в доме обнаружили и запас патронов. Ружье решили установить у подножия флагштока в качестве артиллерийского орудия и впредь палить из него дважды в год: 12 октября в годовщину Битвы у Коровника, и 24 июня, в годовщину Восстания.

V

С началом зимы поведение Молли стало вызывать все большее и большее беспокойство. Каждое утро она опаздывала на работу, оправдываясь тем, что якобы проспала. Жаловалась на таинственные боли, хотя аппетит у нее оставался превосходным. Она стремилась прогулять работу под любым предлогом и пойти вместо этого к пруду с питьевой водой, где она обычно подолгу выстаивала, с глупейшим видом разглядывая свое отражение в воде. Но ходили слухи и о вещах более важных. Однажды, когда Молли весело вбежала во двор, размахивая своим длинным хвостом и пожевывая стебелек травы, Кловер отвела ее в сторону.

— Молли, — сказала она, — мне нужно серьезно поговорить с тобой. Сегодня утром я видела, как ты заглядывала через изгородь, которая отделяет Ферму Энимал от Фоксвуда. За изгородью стоял один из людей мистера Пилькингтона. Я почти уверена, хотя и была далеко, что он что-то сказал тебе и даже гладил тебя! Что все это значит, Молли?

— Нет! Не было этого! Это все неправда! — заржала Молли, вскидываясь на дыбы и колотя по земле копытами.

— Посмотри мне в глаза, Молли! Дай мне честное слово, что он тебя не гладил!

— Это неправда, — твердила Молли, но не смогла посмотреть Кловер в глаза, а еще через минуту сорвалась с места и умчалась на поле.

Неожиданная догадка поразила Кловер. Не говоря никому ни слова, она пошла в стойло Молли и копытом разрыла там солому. Под солому было запрятано несколько пучков разноцветных лент и маленькая кучка пиленого сахара.

Через три дня Молли исчезла. Несколько недель никто ничего не знал о месте ее пребывания, но потом голуби донесли, что видели ее на другом конце Виллингдона. Она стояла возле трактира, запряженная в нарядный, раскрашенный в красно-черные цвета экипаж. Жирный красномордый человек в клетчатых бриджах и гетрах, похожий на трактирщика, поглаживал ей морду и кормил сахаром. В ее подстриженную челку была вплетена алая ленточка. Похоже, что она очень была довольна собой, — сказали голуби. Никто из животных больше никогда не упоминал ее имени.

В январе установилась исключительно суровая погода. Земля звенела как сталь и на полях делать было нечего. Митинги на большом гумне собирались чаще чем обычно. Свиньи занялись планированием работ на следующий сельскохозяйственный сезон. Все уже принимали как должное, что самые смысленные на ферме животные, свиньи, разрабатывают все вопросы хозяйственной политики, хотя решения их обязательно утверждаются большинством голосов. Этот порядок в общем оправдывал бы себя полностью, если бы не раздоры между Снежком и Наполеоном. Они не могли прийти к согласию ни по одному вопросу. Если один из них предлагал как можно больше

земли отводить под ячмень, то другой непременно требовал сеять главным образом овес, и если один говорил, что такие-то и такие-то поля очень хороши под капусту, то другой тотчас же начинал утверждать, что они годятся только под корнеплоды. У каждого были свои сторонники, и Митинги становились ареной нескончаемых споров. Блистательные выступления с трибуны частенько доставляли Снежку большинство на Митинге, но в промежутках между Митингами Наполеон значительно успешнее склонял на свою сторону обитателей фермы. Особенно большой популярностью он пользовался среди овец. В последнее время они принимались бляеть „Четыре — хорошо, две — плохо” к месту и не к месту, из-за чего Митинги даже приходилось прерывать. Нетрудно было заметить, что особенно часто они вспоминали об этом лозунге в наиболее ответственные моменты выступления Снежка.

Снежок обнаружил в доме несколько старых номеров „Фермера и животновода”, тщательно изучил их и преисполнился стремлением ко всякого рода новшествам и преобразованиям. Он учено толковал о дренажных каналах, силосе и зольных удобрениях и, с целью повышения плодородия полей, выработал для каждого животного сложный план непосредственного внесения навоза в почву, чтобы не тратить усилий на его перевозку, причем каждый день следовало удобрять новый заранее определенный участок. Наполеон собственных планов не разрабатывал, но уверенно говорил, что проекты Снежка гроша ломаного не стоят, и, казалось, чего-то выжидал. Самая ожесточенная дискуссия разгорелась у них по поводу мельницы.

На обширном выгоне неподалеку от усадьбы возвышался небольшой холм — самое высокое место

на территории фермы. Изучив состав почв, Снежок объявил, что именно здесь следует построить мельницу, которая приведет в движение динамомашину и снабдит всю ферму электроэнергией. Эта мельница, по словам Снежка, осветит и отопит зимой все сараи и стойла, будет приводить в действие циркулярную пилу, соломорезку, свеклорезку и электродоилку. Животные никогда в жизни не слышали ни о чем подобном. Ферму мистера Джонса справедливо считали отсталой, механизация на ней находилась в самом зачаточном состоянии. Животные слушали Снежка с изумлением, а он вызывал в их воображении вереницы фантастических машин, которые будут выполнять тяжелые работы, в то время как сами они будут пастись в свое удовольствие на полях, либо совершенствовать свои познания чтением книг и беседами.

Подробные чертежи мельницы Снежок разработал за несколько недель. Конструкции механических деталей были заимствованы главным образом из трех книг, принадлежавших ранее мистеру Джонсу: „Тысяча полезных дел для дома“, „Каждый сам для себя каменщик“ и „Электричество для начинающих“. В качестве кабинета для своих занятий Снежок избрал сарай, в котором раньше стоял инкубатор, где был гладкий деревянный пол, очень удобный для черчения. Там он торчал целыми днями. Чтобы книги не закрывались, Снежок укладывал камни на страницах, а сам, зажав ножкой кусок мела, бегал по сараю взад и вперед, чертя линию за линией и слегка повизгивая от возбуждения. Постепенно эти линии превратились в сложное нагромождение кривошипов и зубчатых валов, и покрыли больше половины пола. Остальные животные находили, что все это хотя и непонятно, но впечатляет. По мень-

шей мере раз в неделю они являлись взглянуть на рисунки Снежка. Заглядывали даже утки и куры, изо всех сил стараясь не наступать на проведенные мелом линии. Один Наполеон оставался равнодушным. Он объявил себя противником мельницы с самого начала. Правда, однажды и он вдруг пришел ознакомиться с трудами Снежка. С важным видом Наполеон обошел весь сарай, внимательно осмотрел все детали чертежей и рисунков, понюхал их раз или два, немного постоял, скосив глаза и как бы охватывая чертежи в целом, а потом приподнял ножку, помочился на чертежи и вышел, не проронив ни слова.

Вопрос о мельнице глубоко расколол всю ферму. Снежок не скрывал, что построить ее будет нелегко. Предстояло добыть камень из карьера, возвести стены, сделать крылья. Понадобятся, кроме того, динамомшины и кабель. Снежок не говорил, откуда все это возьмется, но утверждал, что построить мельницу можно будет за год. А после этого, — заявлял он, — мельница позволит нам экономить столько труда, что мы будем работать всего три дня в неделю. Наполеон со своей стороны настаивал, что важнейшая задача текущего момента — это выполнение продовольственной программы, и что если они будут тратить время на мельницу вместо увеличения производства продуктов питания, то все они просто вымрут от голода. Среди животных образовались две фракции. Одна выступала под лозунгом „Голосуйте за Снежка и трехдневную рабочую неделю!”, другая — „Голосуйте за Наполеона и полную кормушку!” Только Бенджамин не вошел ни в ту ни в другую фракцию. Он не верил ни в продовольственное изобилие, ни в трехдневную рабочую неделю. „Построим мельницу или не построим, а жить будем, как жили, то есть плохо”, — говорил он.

Почти столько же споров вызвали вопросы обороны. Все прекрасно понимали, что хотя двуногих и разбили в Битве у Коровника, они не оставили своих намерений и следует ждать от них другой, более решительной попытки отвоевать ферму и восстановить власть мистера Джонса. Тем более что весть об их поражении распространилась по всей округе, будоражила домашнюю скотину и вселяла в нее непокорность. Как обычно, Снежок и Наполеон никак не могли сойтись во взглядах. Согласно Наполеону, животным следовало запастись огнестрельное оружие и учиться его применению на практике. Согласно Снежку, они должны были снаряжать как можно больше голубей для революционной агитации на других фермах. Один настаивал, что если они не научатся защищать себя, их завоюют, другой же утверждал, что если Восстание победит повсеместно, то необходимость обороняться отпадет сама собой. Сначала животные выслушивали Наполеона, потом Снежка и никак не могли понять, кто же все-таки прав. Сказать по правде, они обычно соглашались с тем из них, кто выступал в данный момент.

Наконец, наступил день, когда Снежок дорисовал свои чертежи, и на ближайшем воскресном Митинге вопрос о строительстве мельницы был поставлен на голосование. Когда все собрались на большом гумне, Снежок встал и, хотя овечьё бляенье то и дело прерывало его рассуждения, изложил свои доводы в пользу строительства мельницы. Потом вышел Наполеон. Очень спокойным голосом он заявил, что мельница — это бред, что голосовать за нее он никому не советует, и снова сел. Его выступление длилось едва ли 30 секунд, и, казалось, результат ему даже безразличен. Тут Снежок вновь вскочил на ноги и, резким криком утихомирив овец, которые было

опять разблеялись, разразился пламенной тирадой в защиту мельницы. До сих пор животные почти поровну делились в своих симпатиях, но красноречие Снежка в эту минуту увлекло почти всех. Он яркими красками описал, во что превратится Ферма Энимал, когда животные освободятся от черной работы. На этот раз его фантазия не ограничилась соломои свеклорезками. „Электричество, — кричал он, — приведет в движение молотилки, плуги, бороны, косилки, жатвенные машины и сноповязалки, не говоря уже о том, что в каждом стойле, каждом хлеву, каждом коровнике и каждом птичнике будет свое собственное электрическое освещение, отопление, а также холодная и горячая вода”. Когда он кончил, уже не было никаких сомнений в результатах предстоящего голосования. Но как раз в эту минуту Наполеон вскочил и, бросив косою взгляд на Снежка, издал странно высокий звук, каких никто от него доселе не слышал.

В ответ откуда-то послышался жуткий лай, и девять огромных псов в ошейниках, обитых медью, вприпрыжку влетели на гумно. Лязгая клыками, они стрелой ринулись прямо на Снежка, который едва успел вскочить со своего места. Через минуту он уже был за воротами, а псы мчались за ним. Пораженные и испуганные, не в силах вымолвить ни слова, животные покинули гумно и, следя за погоней, столпились за его воротами. Снежок мчался по широкому лугу, примыкавшему к дороге. Он бежал со всех ног, но псы гнались за ним по пятам. Один раз он поскользнулся и показалось, будто сейчас его схватят, но он вскочил и понесся с удвоенной скоростью. Псы, однако, опять стали настигать его. Один из них цапнул было Снежка за хвостик, но Снежок дернулся, сделал еще один рывок и, опере-

див собак всего на несколько дюймов, проскользнул через дырку в живой изгороди и исчез.

Устрашенные и притихшие, животные вернулись на гумно. Псы прискакали через минуту. В первые мгновения погони никто не мог сообразить, откуда взялись эти бестии, но теперь животных осенила догадка: это были те щенята, которых растил Наполеон. Хотя они еще не вполне достигли зрелого возраста, но уже превратились в огромных, свирепых как волки, псов. Они жались к Наполеону. Все заметили, что они научились вилять перед ним хвостом, как другие собаки делали это перед мистером Джонсом.

В сопровождении псов, не отступавших от него ни на шаг, Наполеон поднялся на помост, с которого некогда Майор произнес свою историческую речь, и выступил с кратким объявлением. „Отныне, — сказал он, — утренние Митинги по воскресеньям отменяются. В них нет никакой нужды, это пустая трата времени. Впредь все вопросы, относящиеся к работе фермы, будут решаться специальным комитетом свиней под его собственным, Наполеона, председательством. Комитет свиней будет заседать при закрытых дверях, а потом объявлять о своих решениях По воскресеньям животные по-прежнему будут собираться утром для того, чтобы салютовать знамени, петь „Всех животных Британии” и получать задания на предстоящую неделю, но никаких дебатов отныне не будет.

Хотя животные были потрясены и напуганы изгнанием Снежка, они встретили это объявление с неудовольствием. Сумей они найти подходящие слова, они бы, пожалуй, запротестовали. Даже Боксер ощутил смутное беспокойство. Он пошевелил ушами, тряхнул несколько раз гривой, усиленно стараясь

привести свои мысли в систему, но так и не смог придумать ничего путного. Однако среди самих свиней не все утратили способность владеть членораздельной речью. Четыре молоденьких борова в первом ряду издали несколько пронзительных визгов — в знак своего неодобрения — и, вскочив на ноги, заговорили все четверо одновременно. Псы, сидевшие вокруг Наполеона, угрожающе зарычали, и свињи замолкли и сели. Тут овцы разразились громким бляением „четыре — хорошо...“, которое продлилось около четверти часа и сделало невозможным продолжение дискуссии.

Разъяснять новые порядки опять отправили Визгуна.

— Товарищи, — сказал он, — я уверен, что все вы правильно поняли ту жертву, которую принес товарищ Наполеон, взяв на себя эту нелегкую работу. Не думайте, товарищи, что быть Вождем очень приятно. Напротив, это высокая и тяжкая ответственность. Наполеон более чем кто-либо верен принципу „Все животные равны“. И он был бы только счастлив позволить вам самим принимать все ответственные решения. Но вдруг вы однажды примете неверное решение, товарищи, и что тогда. Предположим, вы бы последовали за Снежком и его маниакальным планом построения мельницы, за Снежком, который, как теперь выяснилось, был обыкновенным преступником?

— Он храбро сражался в Битве у Коровника, — возразил кто-то.

— Храбрость — это еще не все, — парировал возражение Визгун, — На нынешнем этапе важнее верность и повиновение. А что касается Битвы у Коровника, то я думаю, придет время, и мы убедимся, что роль Снежка в этой битве преувеличивалась. Дис-

циплина, товарищи, же-лез-на-я дисциплина! Вот лозунг сегодняшнего дня. Один неверный шаг и наши враги нас одолеют. Ведь вы, товарищи, не хотите возвращения Джонса?

И опять этот довод подействовал неотразимо. Разумеется, никто не хотел возвращения Джонса, и если прения и споры на утренних Митингах по воскресеньям могли к этому привести, значит, эти споры следует принести в жертву. Боксер, который к этому времени обдумал случившееся, выразил общие чувства словами: „Если товарищ Наполеон так считает, значит так оно и есть”. С этих пор афоризм „Наполеон всегда прав” Боксер сделал дополнением к своему личному девизу „Я буду работать еще лучше”.

Тем временем погода разгулялась, и животные смогли приступить к весенней пахоте. Сарай, где Снежок работал над чертежами мельницы, был заперт на замок и, как предполагали животные, их с пола стерли. Каждое воскресенье в 10 часов утра животные собирались теперь на гумне для того, чтобы выслушать приказания на предстоящую неделю. В саду откопали череп старого Майора, уже очистившийся от плоти, и установили его на столбике у подножия флагштока, рядом с ружьем. Теперь после подъема флага животные должны были рядами и колоннами в благоговении шествовать мимо черепа и только после этого входили на гумно. На гумне они уже не сидели все вместе. Наполеон, Визгун и еще одна свинья по кличке Минимус, обладавшая замечательным даром стихосложения и сочинения песен, сидели в первом ряду на помосте вместе с девятью молодыми псами, которые полукругом охватывали их с тыла, а остальные свиньи располагались позади псов. Все прочие животные сидели в основной час-

ти гумна лицом к свиньям и собакам. Наполеон оглашал свои приказания на неделю по-военному кратко. Исполнив один раз „Всех животных Британии”, животные расходились.

На третье воскресенье после изгнания Снежка обитатели фермы были до некоторой степени удивлены, услышав объявление Наполеона о том, что мельница все-таки будет построена. Он ничего не сказал о причинах, которые заставили его передумать, и только предупредил, что эта сверхурочная работа будет нелегкой и что, возможно, придется сократить продовольственные нормы.

Все планы, однако, были уже готовы вплоть до последней детали. Специальный комитет свиней разрабатывал их целых три недели. Предполагалось, что строительство мельницы вместе с разными другими усовершенствованиями займет два года.

В тот же вечер Визгун в неофициальном порядке объяснил животным, что Наполеон никогда в сущности не был противником мельницы. Наоборот, именно Наполеон первым выдвинул эту идею, да и чертежи, которые Снежок чертил на полу сарая-инкубатора, на самом деле были выкрадены из бумаг Наполеона. В действительности же мельницу изобрел Наполеон.

— Почему тогда, — спросил кто-то Визгуна, — он так резко выступал против нее?

Тут Визгун напустил на себя очень лукавый вид.

— Это, — говорил он, — была военная хитрость товарища Наполеона. Он только делал вид, что выступает против мельницы, маневрируя с целью устранить Снежка, который был опасной личностью и оказывал дурное влияние. Теперь, когда Снежок ушел с дороги, этот план можно осуществить без его вмешательства. Это, — говорил Визгун, — называется тактикой.

— Тактика, товарищи! Тактика! — повторил он несколько раз с веселым смешком, припрыгивая и дергая хвостиком.

Животные не поняли в точности, что означает это слово, но Визгун говорил решительно, а три пса, которые его сопровождали, рычали так устрашающе, что они приняли его объяснения без дальнейших расспросов.

VI

Весь этот год животные работали как проклятые. Но своими трудами они были довольны. Никакие усилия и жертвы их не тяготили, они хорошо знали, что трудятся для себя и себе подобных, для своих потомков, а не для шайки праздных двуногих грабителей.

В течение всей весны и всего лета они работали по шестьдесят часов в неделю, а в августе Наполеон объявил, что отныне вводится также и работа по воскресеньям, в послеобеденное время. Эти сверхурочные работы были строго добровольны, но кормовая пайка тех, кто их прогуливал, сокращалась наполовину. Но даже после этого от части планов пришлось отказаться. Урожай был меньше, чем в прошлом году, а два поля, которые предполагалось занять под корнеплоды, к лету так и не были засеяны, потому что вспашка не была закончена вовремя. Нетрудно было предвидеть, что зима предстоит тяжелая.

Мельница рождала одну неожиданную трудность за другой. На ферме имелся прекрасный карьер, где добывался известняк, в одном из сараев нашлось изрядное количество песка и цемента, так что все строительные материалы были под рукой. Но была

задача, которая сперва не поддавалась разрешению: как расколоть каменные глыбы на куски подходящего размера. Казалось, что нет другого пути, кроме работы ломом и киркой, а никто из животных не был в состоянии удержать эти инструменты. Для этого нужно было твердо стоять на задних лапах. Только после недели тщетных усилий кому-то пришла в голову счастливая мысль: использовать закон тяготения.

Огромные валуны, слишком большие, чтобы их можно было пустить в дело, валялись по всему карьере. Животные обвязывали их веревками, а потом все вместе, коровы, лошади, овцы — все, кто мог тянуть веревку (иногда в самые критические моменты присоединялись и свиньи), втаскивали их вверх по склону карьера, очень медленно, а там переваливали их через край, чтобы, падая, они раскалывались внизу на куски. Перевозка битого камня была уже делом сравнительно простым. Лошади доставляли камень возами, овцы катали отдельные куски, даже Мюриель и Бенджамин впрягались в старую двуколку с сиденьями по бокам и тем вносили свою лепту в общие усилия. К концу лета запасли достаточное количество камня и тогда под руководством свиней, строительство началось.

Это был процесс медленный и трудоемкий. Изнурительные усилия по подъему одного-единственного валуна на вершину карьера часто занимали целый день, а когда его сталкивали вниз, он иногда не разбивался. Без Боксера было бы невозможно достичь хоть каких-то результатов. Казалось, что у него сил больше, чем у всех остальных животных фермы вместе взятых. Когда валун, который затаскивали наверх, вдруг начинал скользить обратно, и все вопили от отчаяния, видя, что их тащит вниз

по склону, — именно Боксер вступал в напряженную борьбу с веревкой и останавливал скольжение. Животные преисполнялись восторгом, видя, как он поднимается вверх по склону, пядь за пядью, с натугой, как его дыхание учащалось, а крутые бока покрывались потом. Кlover иногда просила его быть поосторожнее, но Боксер никогда ее не слушал. Два его лозунга — „Я буду работать еще лучше” и „Наполеон всегда прав” — казались ему панацеей от всех бед. Он договорился с петухом, чтобы тот будил его по утрам не на полчаса, как прежде, а на три четверти часа раньше всех остальных. А в свободные минуты, которых теперь было немного, он отправлялся на карьер один, собирал битый камень и без чьей-либо помощи возил его к будущей мельнице.

Несмотря на многочисленные тяготы, этим летом жилось не так уж и плохо. Если кормов у них было и не больше, чем во времена мистера Джонса, то по крайней мере и не меньше. Одно то, что они должны были кормить только самих себя и не были обязаны содержать еще и пятерых расточительных двуногих тварей, было немалым преимуществом, которое перевешивало многие неудачи. Методы труда животных во многих случаях были эффективнее и экономичнее. Такое дело, как прополку, можно было исполнять с тщательностью, людям не доступной. И опять же, так как ни одно животное не травило посевов, отпала необходимость отгораживать пахотные земли от пастбищ и поддерживать живые изгороди и ворота в должном порядке, что дало немалую экономию труда. Тем не менее уже в течение этого лета обнаружилось и дали о себе знать многие непредвиденные трудности. Не хватало керосина, гвоздей, веревок, собачьих сухарей, железа для подков; самим произвести все это на ферме было невозможно.

А в будущем предстояло столкнуться с нуждой в семенах и искусственных удобрениях, не говоря уж о различных инструментах и оборудовании для мельницы. Откуда все это возьмется, никто не мог себе даже представить.

Однажды в воскресенье утром, когда животные собрались для получения приказаний на следующую неделю, Наполеон объявил, что переходит к новой политике. Отныне Ферма Энимал завяжет торговые отношения с соседними фермами, разумеется, не ради коммерческой выгоды, а единственно для того, чтобы обеспечить себя некоторыми крайне необходимыми материалами. „Потребности мельницы должны быть поставлены во главу угла”, — сказал он. Поэтому он, Наполеон, ведет сейчас переговоры о продаже стога сена и части урожая пшеницы текущего года, ну, а если денег все-таки не хватит, то придется добывать их продажей яиц, на которые всегда есть спрос в Виллингдоне. „Куры, — сказал Наполеон, — должны поддержать эту жертву, как свой собственный вклад в строительство мельницы”.

Снова животные ощутили смутное беспокойство. Разве среди прежних резолюций, принятых сразу после изгнания Джонса на первом, триумфальном Митинге, не было решения никогда не заключать никаких сделок с людьми, никогда не заниматься торговлей, никогда не прикасаться к деньгам? Все животные помнили, как принимали эти резолюции, или, по крайней мере, им казалось, что они помнят. Четыре юных борова, те самые, что протестовали, когда Наполеон упразднил Митинги, робко подняли голос, но тут же и смолкли, услышав угрожающее рычание псов. Овцы, как обычно, заблеяли: „Четыре — хорошо, две — плохо”, и минутное замешательство сгладилось.

В заключение Наполеон простер ножку вверх, призывая всех к молчанию, и объявил, что он уже обо всем распорядился. Животным не придется вступать в непосредственный контакт с двуногими. Эту неприятную обязанность он целиком берет на себя. Мистер Вимпер, стряпчий, проживающий в Виллингдоне, согласился выступать в качестве посредника между фермой Энимал и внешним миром. Каждый понедельник он будет посещать ферму в утренние часы для получения инструкций. Наполеон закончил свое выступление обычным призывом „Да здравствует Ферма Энимал!“, после чего, пропев „Животных Британии“, все разошлись.

В тот же день Визгун обошел всю ферму и навел должный порядок в мыслях и чувствах животных. Он заверил их, что резолюция против денег и торговли не только никогда не принималась, но даже и не выносилась на обсуждение. Это чистойшей воды измышление, возможно, восходящее в своих истоках к лживым инсинуациям Снежка. У некоторых животных были все-таки неясные сомнения, но Визгун жестко спросил у них: „А вы уверены, товарищи, что это вам не приснилось? У вас что — есть протокол того собрания? Эта резолюция была где-нибудь записана?“ И так как это была истинная правда, что никаких записей о резолюции у них не сохранилось, животные поняли, что ошибались.

Мистер Вимпер, как было уговорено, посещал ферму каждый понедельник. Это был хитроватый на вид субъект невысокого роста с бакенбардами: мелкий делец с некоторыми юридическими познаниями, раньше других сообразивший, что ферме Энимал понадобится посредник и что на этом можно заработать. Животные относились к Вимперу с подозрением и опаской и, насколько это было возможно, обходи-

ли его стороной. И все-таки, когда они видели, как их четвероногий собрат Наполеон отдает приказания двуногому Вимперу, это зрелище возбуждало в них горделивое чувство и отчасти примиряло с этим новшеством. Их отношения с человеческим родом несколько изменились. Теперь, когда ферма Энимал процветала, двуногие ненавидели ее ничуть не меньше, а скорее даже больше. Каждый представитель человеческой расы верил как в Бога в то, что ферма рано или поздно обанкротится, а из затеи с мельницей просто ничего не выйдет. Встречаясь в пивных, они при помощи диаграмм доказывали друг другу, что мельница неизбежно развалится, а если даже устоит, то все равно никогда не будет работать. И все же они невольно стали относиться с некоторым уважением к умению животных управлять своими делами. Во всяком случае, они признали новое название фермы и перестали поддерживать Джонса, который оставил надежду вернуть себе ферму, покинул Виллингдон и поселился в другом конце страны. Между фермой Энимал и внешним миром не было никаких других контактов, кроме тех, которые осуществлялись через Вимпера, но, по слухам, Наполеон как будто все время собирался заключить какое-то торговое соглашение: то с мистером Пилькингтоном из Фоксвуда, то с мистером Фредериком из Пинчфильда. И что любопытно, никогда с обоими одновременно.

Примерно в это же время свиньи вдруг перебрались в жилой дом. Животным снова показалось, что они помнят какую-то давнюю резолюцию против этого, но Визгун опять сумел переубедить их. „Совершенно необходимо, — сказал он, — чтобы свиньи — ум, честь и совесть нашей фермы, имели спокойное место для работы. И достоинству Вождя (а в последнее

время, говоря о Наполеоне, он стал употреблять слово „Вождь”) более подобает жить в доме, чем в свинарнике”. Кое-кто был все-таки обеспокоен, когда пронесся слух, что свиньи не только готовят себе пищу на кухне и превратили гостиную в комнату отдыха, но и спят на кроватях. Боксер, как обычно, сказал, что „Наполеон всегда прав”, но Кlover, которой показалось, будто она помнит четкое и ясное законоположение против кроватей, отправилась к гумну и попыталась разобраться, что же там написано в Семи Заповедях о кроватях. Убедившись в своей неспособности понять что-нибудь кроме отдельных букв, она позвала Мюриель.

— Мюриель, — попросила она, — прочти мне Четвертую Заповедь. Не запрещает ли она спать в кровати?

Хотя и не без труда, Мюриель прочитала Заповедь вслух:

— Там сказано: **ЖИВОТНОЕ ДА НЕ СПИТ В КРОВАТИ** на простыне, — произнесла она наконец.

Странно, но Кlover не помнила, чтобы в Четвертой Заповеди что-нибудь говорилось о простынях. Но если так было написано на стене, сомневаться не приходилось. Случайно проходивший мимо Визгун, сопровождаемый двумя или тремя псами, тут же все надлежащим образом разъяснил.

— Вы, товарищи, уже слышали, что мы спим в кроватях? — спросил он. — А почему бы и нет? Ведь вы же не думаете, что это запрещено? Слово „кровать” означает, собственно, „место, где спят”. Строго говоря, груда соломы — это тоже кровать. Закон запрещает спать на простыне, которая действительно является людской выдумкой. Мы убрали все простыни с кроватей и спим на одеялах. Да, это удобно. Но могу

вам сказать, товарищи, не удобнее, чем мы того заслуживаем! Ибо сколько трудов и забот ложится на плечи! А ведь и нам надо иногда отдохнуть! Ведь вы же не хотите, чтобы мы надорвались на работе и уже не могли больше выполнять свои обязанности? Ведь никто из вас не хочет, чтобы Джонс вернулся?

Животные тут же заверили его в обратном, и толки о свиньях, спящих в кроватях, прекратились. А когда через несколько дней Визгун объявил, что свиньи отныне будут вставать по утрам на час позже, то жалоб и недовольства по этому поводу не возникло.

К осени животные буквально падали от усталости, но были довольны собой. Год выдался тяжелый, и запасы пищи на зиму после продажи части урожая зерна и сена — не были слишком обильны, но мельница вознаграждала за все. Она была возведена уже наполовину. После жатвы случилось несколько сухих и ясных деньков, и животные налегли в эти дни на работу еще усерднее, чем раньше. Они полагали, что есть смысл потратить больше сил на добычу камня, лишь бы поднять стены мельницы еще на один фут. Боксер даже вставал по ночам, чтобы часок-другой в одиночестве поработать при свете полной осенней луны. В свободные минуты животные прохаживались вокруг наполовину отстроенной мельницы, восхищаясь мощностью и прямизной ее стен и поражаясь, как это им все удалось. Только старый Бенджамин не выражал никакого энтузиазма насчет мельницы, хотя, по обыкновению, помалкивал. Он только говорил, что „ослы живут долго“, и большего от него было невозможно добиться.

Наступил ноябрь. Задули яростные юго-западные ветры. Строительство пришлось приостановить, потому что дожди не давали замешивать цемент.

Однажды ночью была такая страшная буря, что строения фермы зашатались на своих фундаментах, и несколько черепиц слетело с кровли амбара. Тревожно кудахтая, в страхе проснулись куры, потому что всем им одновременно приснился отдаленный ружейный выстрел. Утром животные вышли из стойл и сараев и увидели, что флагшток сломан, а в нижнем конце сада валяется вяз, вырванный, как редиска, с корнем. Но то, что они увидели чуть позже, вызвало общий вопль отчаяния. Ужасное зрелище предстало пред их глазами: мельница лежала в развалинах!

Животные устремились туда все как один. Наполеон, который вообще бегал редко, сам скакал впереди всех. Да, мельница была разрушена до основания, а камни, которые они кололи и таскали с таким усердием, валялись вокруг. Не в силах произнести ни слова, они стояли, скорбно глядя на груды упавших камней. Наполеон в молчании расхаживал взад и вперед, обнюхивая временами землю. Хвостик его стоял торчком, судорожно подрагивая из стороны в сторону, что у него всегда было признаком интенсивной умственной деятельности. Вдруг он резко остановился, как будто придя к какому-то решению.

— Товарищи, — начал он тихим голосом, — знаете ли вы, кто виновник всего этого? Кто этот враг, проникший сюда под покровом темноты и уничтоживший нашу мельницу? С Н Е Ж О К ! ! ! — он вдруг перешел на крик и в голосе его зазвучала угроза, — Снежок сделал это! Этот злобный предатель, думая нарушить наши планы и отомстить за свое позорное изгнание, прокрался сюда под покровом темноты и уничтожил плоды наших самоотверженных трудов! Товарищи! На этом самом месте я выношу смертный приговор Снежку! Звание „Животное-Герой”

второй степени и ведро яблок тому из вас, кто свершит над ним справедливый суд! Два ведра — тому, кто захватит его живым!

Животные были невероятно потрясены, узнав, что Снежок — виновник столь ужасного злодеяния. Такого они не ожидали даже от Снежка. Раздались крики возмущения, и все вслух стали изобретать свои способы поимки Снежка, если он когда-нибудь опять попытается вернуться. Почти сразу же на небольшом расстоянии от холма нашли в траве следы какой-то свиньи. Они прослеживались всего лишь на протяжении нескольких ярдов, но вели по направлению к дыре в живой изгороди. Наполеон глубоко внюхался в них и объявил, что это следы Снежка. По мнению Наполеона, Снежок скорее всего пришел со стороны фермы Фоксвуд.

— Медлить нельзя, товарищи! — сказал Наполеон, изучив следы преступника. — У нас много работы. Мы приступим к восстановлению мельницы сегодня же утром, и будем строить ее всю зиму, не пропуская ни единого дня, невзирая на погоду. Мы покажем этому презренному предателю, что ему не удастся так легко погубить наш труд. Помните, товарищи: ни шагу в сторону! Мельница будет сдана в запланированный срок! Вперед, товарищи, к победе Энимализма! Да здравствует мельница! Да здравствует ферма Энимал!

VI

Зима выдалась суровая. За штормовыми ветрами последовал мокрый снег с дождем и градом, а потом грянули и жестокие морозы, которые свирепствовали до середины февраля. Восстанавливая мельницу, животные старались изо всех сил, прекрасно понимая, что внешний мир следит за ними и что завистливые двуногие возрадутся и восторжествуют, если мельница не будет построена в срок.

Злобствуя, двуногие делали вид, будто не верят в виновность Снежка. Они утверждали, что Снежок совершенно ни при чем, а виной всему, дескать, недостаточная толщина стен мельниц. Животные, конечно, понимали, что это неправда. И все-таки на этот раз было решено класть стены в три фута толщиной, а не 18-ти дюймов, как раньше, а это значило, что камней потребуется больше. Карьер долгое время был занесен снегом, и с этим ничего нельзя было поделать. Дело несколько продвинулось во время наступивших вскоре сухих морозов, но это был адский труд, а надежды уже не согревали их так, как в первый раз. Они всегда мерзли и редко бывали сыты. Только Боксер и Кловвер никогда не падали духом. Визгун произносил зажигательные речи о радости служения

и о трудовых доблестях, но животных гораздо больше воодушевлял Боксер со своим вечным лозунгом: „Я буду работать еще лучше!”

В январе пищи стало еще меньше. Зерновую пайку сильно сократили, а взамен были обещаны дополнительные выдачи картофеля. Выяснилось, однако, что почти весь урожай картофеля померз в буртах, прикрытых слишком тонким слоем земли и соломы. Картофель размяк, цвет его изменился и только малая часть его была съедобна.

В эти дни животным целыми днями ничего кроме кормовой свеклы и мякины не выдавали. Казалось, что на пороге стоит голодная смерть. Было жизненно необходимо скрыть этот факт от внешнего мира. Ободренные разрушением мельницы, двуногие и так распространяли лживые выдумки о ферме Энимал. Они вновь стали утверждать, что животные там вымирают от голода и болезней, все время ведут междоусобную борьбу и даже докатились до каннибализма и истребления новорожденных. Наполеон хорошо предвидел все дурные последствия утечки информации о действительном положении с продуктами и, чтобы создать противоположное впечатление, решил использовать мистера Вимпера. До сих пор животные почти не общались с Вимпером во время его еженедельных визитов, а теперь несколько специально подобранных животных, в основном овец, получили задание упомянуть, как бы случайно, в его присутствии, что пайка недавно опять увеличилась. Кроме того, Наполеон велел почти до краев засыпать песком опустевшие закрома в амбаре, а сверху этот песок замаскировали остатками зерна и муки. Используя какой-то подходящий предлог, Вимпера провели через склад, позволив одним глазом заглянуть в закрома. Вимпер был введен в заблуждение

и продолжал уверять внешний мир, что продовольствия на ферме Энимал сколько угодно.

И все-таки к концу января стало очевидно, что зерно необходимо где-то добывать. В эти дни Наполеон редко появлялся на публике и большую часть своего времени проводил в доме, где его оберегали девять свирепых псов, стороживших каждую дверь. Когда же он появлялся, то это были торжественные выходы в сопровождении шести псов, которые кружили вокруг него и рычали, если кто-нибудь подходил слишком близко. Иногда он не показывался даже на воскресных собраниях, и его приказания тогда объявляли другие свиньи, чаще всего Визгун.

Однажды на одном воскресном собрании Визгун объявил, что куры, которые как раз начали нестись, должны будут сдать свои яйца, поскольку Наполеон заключил через Вимпера контракт на поставку четырех сотен яиц в неделю. Денег, которые будут выручены за яйца, должно было хватить на зерно и муку, чтобы дотянуть до следующего урожая.

Услышав об этом, куры подняли ужасный шум. Конечно, их предупреждали и раньше, что такая жертва может от них потребоваться, но им не особенно верилось в такой оборот дела. Они только что снесли яйца для весеннего высиживания и теперь запротестовали, утверждая, что продажа яиц равносильна детоубийству. Впервые со времен изгнания Джонса произошло нечто вроде мятежа. Во главе с тремя черными минорками куры предприняли явную попытку расстроить планы Наполеона. Они выбрали следующий способ сопротивления: взлетели на насесты и неслись оттуда прямо на пол, где яйца, разумеется, разбивались. Наполеон действовал быстро и беспощадно. Распорядившись прекратить выдачу им кормов, он постановил, что любое животное,

которое поделится с курами хоть зернышком, подлежит смертной казни. Псы следили за тем, чтобы этот декрет неукоснительно соблюдался. Куры продержались пять дней, а потом сдались и вернулись к ящикам для носки. Девять несушек за это время передохло. Их тушки сожгли в саду, а причиной смерти была объявлена куриная слепота. Вимпер об этом деле так ничего и не услышал. Яйца поставлялись, как было условлено, и фургон бакалейщика заезжал за ними каждую неделю.

Все это время Снежка никто не видел. Ходили слухи, что он скрывается на одной из соседних ферм, то ли в Фоксвуде, то ли в Пинчфильде. Отношения Наполеона с соседями теперь несколько улучшились. Во дворе фермы лежала груда бревен, сложенных там еще лет десять тому назад после расчистки буковой рощи. Бревна были неплохо выдержаны, и Вимпер посоветовал Наполеону продать их. И мистер Пилькингтон, и мистер Фредерик были бы не прочь совершить эту покупку. Наполеон колебался и все не мог решить, кого же из них предпочесть. Замечали, что когда он склонялся к мысли заключить контракт с Фредериком, Визгун утверждал, что Снежок скрывается в Фоксвуде, а когда казалось, что Наполеон предпочитает Пилькингтона, о Снежке говорилось, что он обосновался в Пинчфильде.

В начале весны вдруг обнаружилось, что Снежок посещает ферму по ночам. Это известие ошеломило животных. Они были так обеспокоены, что с трудом засыпали в своих сараях. Рассказывали, что Снежок пробирается на ферму под покровом темноты каждую ночь и творит всяческие безобразия. Он крал зерно, переворачивал ведра с молоком, бил яйца, вытапывал посевы, грыз кору плодовых деревьев. Что бы ни стряслось — во всем винили Снежка. Раз-

бывалось ли окно, запруживалась ли канава, кто-нибудь обязательно говорил, что это вредительство Снежка. Поэтому, когда затерялся ключ от продовольственного склада, то вся ферма была в полной уверенности, что Снежок забросил его в колодец. Странно, но они продолжали верить в это, даже когда потерянный ключ нашелся под мешком с мукой. Коровы в один голос заявляли, что Снежок забирается к ним в коровник и доит их во сне. Поговаривали, что даже крысы, совершенно обнаглевшие этой зимой, были в сговоре со Снежком.

Наполеон приказал провести тщательное расследование злодеяний Снежка. В сопровождении своих псов он отправился с инспекционным обходом по ферме. Все остальные животные следовали за ним на почтительном расстоянии. Наполеон останавливался через каждые несколько шагов и нюхал землю в поисках следов Снежка. По его словам, он узнавал их по запаху. Он перенюхал каждый угол на гумне, в коровнике, курятнике, огороде и почти везде обнаружил следы Снежка. Он тыкал рылом в землю, делал несколько глубоких вдохов и восклицал зловещим голосом:

— Снежок! Он здесь был! Я отчетливо чую его запах!

При слове „Снежок” псы скалили свои клыки и рычали так, что кровь стыла в жилах.

Животные были запуганы до смерти. Им казалось, что Снежок стал какой-то невидимой силой, которая витала в воздухе, угрожая им всеми возможными бедами.

Вечером Визгун собрал всех обитателей фермы и, встревоженно морща рыло, сказал им, что у него есть важные новости.

— Товарищи! — заверещал Визгун, нервно

подпрыгивая. — Товарищи! Открылась ужасная вещь! Снежок проданся Фредерику из Пинчфильда, который как раз сейчас замышляет напасть на нас и отнять у нас нашу ферму. Снежок будет у Фредерика проводником. Хуже того. Ранее мы полагали, что мятеж Снежка был следствием его самолюбия и тщеславия. Мы ошибались, товарищи. Знаете, каковы были истинные причины? Снежок был в сговоре с Джонсом с самого начала! Снежок всегда был тайным агентом Джонса. Все это подтверждается оставшимися после него документами, которые мы только теперь обнаружили. По-моему, это объясняет многое, товарищи. Разве мы не видели сами, как он пытался — по счастью без успеха — привести нас к поражению и Разгрому в Битве у Коровника.

Животные были ошеломлены. Даже разрушение мельницы не шло ни в какое сравнение с этим предательством. Однако прошло все же несколько минут, прежде чем они поверили в это. Все они вспомнили — или подумали, что вспомнили, — как Снежок вел их в атаку в Битве у Коровника, как он их спланивал и ободрял на каждом шагу, и как даже ранение дробью ни на миг не остановило его. Все это как-то не вязалось с тем, что он был сторонником Джонса. Даже Боксер, который редко задавал вопросы, был озадачен. Он лег, подобрав под себя передние копыта, закрыл глаза и с тяжким усилием попытался выразить свои мысли:

— Я в это не верю... Снежок храбро сражался в Битве у Коровника. Я сам видел это. Разве мы не присвоили ему звание „Животное-Герой” первой степени, сразу же после битвы?

— Это была наша ошибка, товарищи. Теперь-то мы знаем, что в действительности он пытался погубить нас. Обо всем этом написано в секретных документах, которые теперь нашлись.

— Но он был ранен! — сказал Боксер. — Мы все видели, как он истекал кровью.

— Это было подстроено! — верещал Визгун. — Выстрел Джонса только слегка задел его. — Я бы показал, что сказано об этом в его собственных воспоминаниях, если бы вы умели читать. Замысел Снежка заключался вот в чем. В решающий момент он должен был подать сигнал к отступлению и таким образом оставить поле битвы врагу. И ему бы удалось это, если бы не наш героический Вождь, товарищ Наполеон! Или вы не помните, что как раз в тот момент, когда Джонс и его сторонники ворвались во двор, Снежок внезапно показал спину и обратился в бегство — и многие, многие из животных последовали за ним? И разве вы не помните также, что как раз в ту самую минуту, когда всех охватила паника и казалось, что все потеряно, товарищ Наполеон выступил впереди с кличем „Смерть человечеству!” и вонзил свои клыки в ногу Джонса? Вы помните это? — вопил Визгун, прыгая из стороны в сторону.

Теперь, когда Визгун описал сцену столь живописно, животным показалось, что они вспомнили ее. Во всяком случае, они припомнили, что в решающую минуту Снежок действительно побежал. Но Боксер не унимался.

— Я не верю, что Снежок всегда был предателем, — сказал он. — Другое дело, что он совершил потом. Но я уверен, что в Битве у Коровника он был добрым товарищем.

— Наш Вождь, товарищ Наполеон, — возгласил Визгун, выговаривая слова размеренно и твердо, — утверждает категорически, товарищи, что Снежок был агентом Джонса еще с тех времен, когда о Восстании никто и думать не думал!

— Ну, это другое дело! — сказал Боксер. — Если

сам товарищ Наполеон так говорит, значит, так оно и есть.

— Вот это уже правильное настроение! — сказал Визгун, но глянул на Боксера своими мигающими глазками весьма угрожающе. Уходя, он многозначительно добавил:

— Я предостерегаю всех и каждого: смотреть нужно в оба! У нас есть основания полагать, что тайные агенты Снежка и в эту минуту таятся среди нас!

Четыре дня спустя Наполеон приказал животным собраться во дворе после обеда. Когда все были в сборе, из дома вышел Наполеон. Недавно он удостоил себя званиями „Животное-Герой” первой степени и „Животное-Герой” второй степени, и оба эти ордена болтались у него на груди. Девять громадных псов прыгали вокруг Наполеона и рычали так, что мурашки пробежали по спине.

Все молчаливо сжались на своих местах и, казалось, предчувствовали, что сейчас произойдет нечто ужасное.

Наполеон постоял, строгим взором оглядел присутствующих и издал пронзительный и высокий хрюкающий звук. Псы тотчас ринулись вперед и, схватив за уши четырех свиней, поволокли их, визжавших от боли и страха, к ногам Вождя. Из прокушенных ушей хлестала кровь, псы почувствовали ее вкус и, казалось, на несколько мгновений совершенно взбесились. Трое псов, ко всеобщему изумлению, бросились на Боксера. Первый пес был перехвачен копытом Боксера еще в прыжке и тотчас прижат к земле. Пес взвыл о пощаде, а два других отскочили, поджав хвосты. Боксер взглянул на Вождя, как бы спрашивая, что ему делать дальше. Наполеон, казалось, передумал и, скрывая испуг, строго приказал отпустить пса. Боксер приподнял копыто, и помятый пес с воем метнулся прочь.

Суматоха улеглась. Четверо обвиняемых ждали, всем своим видом свидетельствуя о совершенных преступлениях. Наполеон потребовал, чтобы злодеи покаялись. Это были те самые четыре кабанчика, которые протестовали, когда Наполеон отменил Воскресные Митинги. Других подсказок не потребовалось. Те признались, что с момента изгнания Снежка поддерживали с ним тайные сношения, содействовали Снежку в разрушении мельницы, вошли в стовор со Снежком с целью передать ферму Энимал в руки Фредерику. Они также добавили, что Снежок доверительно признавался им в том, что был в прошлом тайным агентом Джонса. Как только они окончили свое покаяние, псы тут же перегрызли им глотки, а Наполеон зловеще спросил, нет ли еще желающих в чем-либо признаться.

Вперед вышли три черные минорки, зачинщицы яичного бунта, и заявили, что Снежок являлся им во сне, подстрекая к неповиновению Наполеону. Их тоже прикончили. За ними вышел гусь и повинился, что утаил шесть початков кукурузы с прошлого урожая и ел их по ночам. За ним овца призналась в том, что помочилась в поилку, по наущению, конечно же, Снежка, а две другие овцы признались, что умертвили престарелого барана, особенно верного приверженца Наполеона. Несчастный баран страдал от кашля, а они гоняли его вокруг костра. Все они были казнены на месте.

Череда признаний и расправ продолжалась до тех пор, пока у ног Наполеона не образовалась гора трупов и самый воздух не пропитался забытым со времен Джонса тяжелым запахом крови.

Когда резня прекратилась, все животные, за исключением свиней и псов, гуртом побрели прочь. Они были потрясены и опечалены. Они даже не знали,

что их ужаснуло больше: измена своих товарищей, продавшихся Снежку, или жестокое возмездие, свидетелями которого они стали. Кровавые сцены им приходилось наблюдать и прежде, однако то, что произошло сегодня, показалось им ужаснее чего бы то ни было, потому что случилось между своими. С тех пор, как Джонс покинул ферму, животные не убивали друг друга. Даже крыс никто не трогал.

Они поднялись на пригорок неподалеку от наполовину отстроенной мельницы. Чтобы было теплее, они сбились в тесную кучу, здесь были Кlover, Мюриель, Бенджамин, коровы, овцы и вся стая гусей и кур — все, кроме кошки, внезапно исчезнувшей как раз накануне устроенной Наполеоном экзекуции. Некоторое время все лежали молча. Один Боксер остался на ногах. Он дергался, хлестал себя по бокам длинным черным хвостом, время от времени выражая недоумение коротким и негромким ржанием. Наконец, он сказал:

— Не понимаю. Я бы не поверил, что такое может случиться на нашей ферме. Должно быть, мы допустили какие-то серьезные ошибки. Вывод, я думаю, один: надо работать лучше. С сегодняшнего дня я буду вставать по утрам на час раньше, — и тяжелой рысью Боксер ускакал на карьер. Там он, в качестве разминки перед сном, набрал два воза камней и отволоч их один за другим на мельницу.

Сгрудившись вокруг Кlover, животные тесно жались друг к другу. С холма, на котором они лежали, открывался широкий вид на окрестности. Большая часть фермы лежала перед их взорами: большой выгон, тянувшийся до главной дороги, поле, засеянное кормовыми травами, рощица, пруд с питьевой водой, пахотные земли, где густо зеленела молодая пшеница, красные крыши хозяйственных строений, из труб которых вился дымок.

Был ясный весенний вечер. Трава и распускавшийся кустарник живой изгороди отливали золотом под косыми лучами солнца. Никогда еще ферма не казалась им столь желанным местом — и с каким-то даже удивлением они вспомнили, что это их собственная ферма, где каждый клочок земли принадлежит им.

Кловер смотрела с холма, и ее глаза наполнялись слезами. Если бы она смогла выразить свои мысли, то сказала бы, что совсем не ради того, что случилось сегодня, они затеяли несколько лет тому назад борьбу против тирании человеческой расы. Эти сцены страха и резни, — нет, не этого они ждали в ту ночь, когда старый Майор призвал их к Восстанию. Сама она представляла себе будущее, если вообще как-то представляла, как сообщество животных, свободных от голода и бичей, где все равны, каждый трудится по способностям и сильный оберегает слабого, как сама она оберегала в ту ночь потерявшихся утят, загородив их своими ногами. Она не знала почему, но вместо этого они дожили до того, что никто уже не осмеливается высказать вслух то, что думает; повсюду рыщут жестокие и злобные псы, и на твоих глазах твои собственные товарищи признаются в преступлениях и гибнут, разодранные в клочья. У нее не было и мысли о мятеже или неповиновении. Она знала, что даже теперь все-таки лучше, чем при Джонсе, что самое главное — это предотвратить возвращение двуногих. Что бы ни случилось, она останется верна идеалам Энимализма, будет усердно работать, честно исполнять возложенные на нее обязанности и признавать руководящую роль Наполеона. Однако не за это они боролись, не на это уповали, не ради этого трудились. Не ради того они строили мельницу и шли под пули Джонса. Таковы были ее мысли, хотя слов, чтобы их выразить, ей не хватало.

Наконец, чувствуя, что песня может в какой-то мере заменить недостающие слова, она затянула „Всех животных Британии”. Животные, сидевшие вокруг, подхватили песню. Они спели ее три раза подряд, очень мелодично, но тихо и печально, как никогда не пели раньше.

Едва они допели ее третий раз, как появился Визгун, и по всему его виду было ясно, что у него есть какое-то важное сообщение. Визгуна сопровождали два пса.

— Особым постановлением товарища Наполеона, — объявил Визгун, — песня „Все животные Британии” отменяется. Петь ее отныне запрещено.

Животные были ошарашены.

— Но почему? — спросила Мюриель.

— Нужды в ней больше нет, товарищи, — сказал Визгун непререкаемым тоном. — „Все животные Британии” — это гимн Восстания. Но Восстание завершилось. Сегодняшняя казнь предателей была заключительным актом Восстания. Наши внешние и внутренние враги разгромлены. В „Животных Британии” мы выражали наши чаяния на более справедливый общественный строй. Но такой строй теперь создан. Очевидно, что петь старый гимн уже нецелесообразно.

И хотя все были напуганы, кое-кто, может быть, и решился бы протестовать, но тут овцы принялись за свое излюбленное „Четыре — хорошо, две — плохо”. Блеянье овец длилось несколько минут и сделало продолжение дискуссии невозможным.

Устаревший гимн больше никогда не пели. Поэт Минимум сложил новую песню, которая началась словами:

*О, ферма Энимал! Я никогда
Не причиню тебя вреда!*

И каждое воскресное утро эту песню пели теперь после торжественного подъема флага. Но ни слова, ни мелодия ее, по всеобщему мнению, не шли ни в какое сравнение со „Всеми животными Британии”.

VIII

Через несколько дней, когда страх, вызванный казнями, поутих, кое-кто из животных припомнил или подумал, будто припомнил, что Шестая Заповедь гласит: „Да не убьет животное другое животное”. Многим стало казаться, что имевшая место расправа противоречит закону, хотя в присутствии свиней или псов об этом никто говорить не решался. Кlover попросила Бенджамина прочесть ей Шестую Заповедь, а когда Бенджамин, как обычно, ответил, что в такие дела не вмешивается, она обратилась к Мюриель. Мюриель прочла Заповедь вслух. Текст ее гласил: „Да не убьет животное другое животное б е з п р и ч и н ы”. Как-то так получилось, что эти последние два слова ни у кого не удержались в памяти. Зато теперь все встало на свои места. Тяжкие вины истребленных предателей, вступивших в преступный сговор со Снежком, были очевидны.

Весь этот год обитатели фермы работали еще больше, чем в прошлом году. Нужно было восстановить мельницу, вдвое увеличив толщину ее стен, причем закончить это строительство в запланированный срок, не забрасывая обычных полевых работ, — все это требовало огромных усилий. Временами жи-

вотным казалось, что они работают больше, а едят не лучше, чем при Джонсе. Каждое воскресное утро Визгун, придерживая ножкой длинный лист бумаги, зачитывал им колонки цифр, согласно которым производство каждого вида продовольственных культур на ферме возросло на 200, 300, а то и 500%. У животных не было причин ему не верить, тем более, что они уже не помнили достаточно отчетливо, каковы были условия их жизни до Восстания. Но все же бывали дни, когда они чувствовали, что предпочли бы цифр получать поменьше, а еды побольше.

Все приказания теперь передавались через Визгуна или кого-нибудь еще из руководящих свиней. Сам Наполеон не показывался на публике чаще чем раз в две недели. Когда он появлялся, его сопровождала не только свита из псов, но еще и черный петух, который вышагивал перед ним и, играя роль трубача-глашатая, издавал громкое „кук-кар-реку!“ перед каждым выступлением Наполеона. Говорили, что даже в доме Наполеон поселился в отдельных покоях. Он принимал пищу в одиночестве, а два пса прислуживали ему, и ел он всегда из обеденного сервиза фирмы „Краун Дерби“, который хранился в гостиной в стеклянном буфете. Было также объявлено, что в день рождения Наполеона, так же, как в дни других официальных праздников, будет производиться салют из ружья.

О Наполеоне теперь никогда не говорили просто „Наполеон“. Имя его теперь всегда произносилось по установленной форме: „Наш Вождь товарищ Наполеон“. Свиньям нравилось придумывать для него титулы вроде „Отец Всех Животных“, „Ужас Человечества“, „Покровитель Овчарен“, „Друг Утят“ и т. п. В своих выступлениях Визгун со слезами на глазах говорил о мудрости Наполеона, доброте его сердца

и горячей любви, которую он питает ко всем животным всего мира, а в особенности к несчастным животным, которые все еще страдают под игом рабства и невежества на других фермах. Вошло в обычай восхвалять Наполеона за всякое достижение и всякий успех. Часто можно было услышать, как одна квочка говорит другой: „Под мудрым руководством нашего Вождя, Товарища Наполеона, я снесла за шесть дней пять яиц”, или как переговариваются две телки, смакуя воду из лужицы: „Как вкусна эта вода, хвала товарищу Наполеону!”.

Общие чувства обитателей фермы прекрасно выразил Минимус в стихотворении под названием „Наш Отец Наполеон”, которое звучало так:

*О, владыка всех сердец,
Друг сирот и наш Отец,
Твои очи ярче светят, чем неон!
Я пьянею без вина,
Ты и солнце и луна,
Ты и лето и весна,
Наш Отец Наполеон!*

*Все, что любим, чем живем,
Все, что мы едим и пьем,
И свободу – кто же дал нам, как не он!
Его имя мой язык
Славит всякий час и миг,
Как он светел и велик,
Наш Отец Наполеон!*

*Мы растим тебе щенят,
Поросят и жеребят,
Их мы учим – до скончания времен
Тебе преданными быть,*

*Одного тебя любить
И врагов твоих губить,
Наш Отец Наполеон!*

Наполеон одобрил эти стихи и повелел начертать их на стене большого гумна на стороне, противоположной Семи Заповедям. Они были увенчаны портретом Наполеона в профиль, который Визгун искусно нарисовал белилами.

Тем временем Наполеон вел через Вимпера сложные переговоры с Фредериком и Пилькингтоном. Груда бревен все еще не была продана. Фредерик больше Пилькингтона был заинтересован в приобретении бревен, но, судя по всему, не хотел давать настоящей цены. В это же самое время возобновились слухи, что Фредерик и его люди готовят нападение на ферму Энимал, а мельницу, строительство которой возбуждало у них бешеную зависть, замышляют сровнять с землей. Стало известно, что Снежок все еще скрывается на ферме Пинчфильд. В середине лета животных взбудоражило новое событие. Выступив с добровольным покаянием, три курицы публично признали себя виновными в подготовке, по заданию Снежка, покушения на жизнь Наполеона. Их немедленно казнили, а для безопасности Наполеона были приняты новые меры предосторожности. Его постель по ночам теперь охраняло четверо псов, по одному в каждом углу его апартаментов, а маленькому поросенку по кличке Пинки было поручено пробовать все что ел Наполеон.

Примерно тогда же было объявлено, что Наполеон договорился о продаже штабеля бревен Пилькингтону. Готовилось также постоянное соглашение об обмене определенными видами продукции между фермой Энимал и Фоксвудом. Отношения Наполеона

и Пилькингтона, хотя они по-прежнему все еще велись через Вимпера, стали почти дружескими. Животные не доверяли Пилькингтону как существу человеческой породы, но во многих отношениях были готовы предпочесть его мистеру Фредерику, которого одновременно ненавидели и боялись. В течение всего лета, пока строительство мельницы близилось к завершению, слухи о нависшей угрозе вероломного нападения все усиливались и усиливались. Говорили, что Фредерик готовит отряд из 20-ти человек, вооруженных огнестрельным оружием, и что он уже подкупил должностных лиц и полицию, дабы те не задавали лишних вопросов, если он однажды станет обладателем документов, свидетельствующих о его праве собственности на ферму Энимал. Кроме того, из Пинчфильда доходили жуткие слухи о жестокостях, которые творил Фредерик над своими животными. Он забил до смерти старую лошадь, он морил голодом своих коров, он живьем бросил в печь собаку, он развлекался кровавыми петушиными боями, привязывая петухам обломки бритвенных лезвий на шпоры. У животных кровь вскипала от ярости, когда они слышали о таких издевательствах над своими собратьями. Были предложения напасть всем скопом на ферму Пинчфильд, выбить оттуда людей и освободить угнетенных животных Фредерика. Визгун, однако, рекомендовал воздерживаться от опрометчивых действий и положиться во всем на мудрую стратегию Наполеона.

Озлобление против Фредерика, тем не менее, продолжало расти. В одно воскресное утро Наполеон появился на гумне и заявил, что никогда в жизни и не помышлял о продаже бревен Фредерику. „Заключать какие-либо торговые сделки с подобным негодяем — ниже нашего достоинства”, — сказал Напо-

леон. Голубям, которых все еще рассылали повсюду для пропаганды идеалов Восстания, запретили посещать Фоксвуд и велели сменить прежний лозунг „Смерть Человечеству!“ на „Смерть Фредерику!“. В конце лета раскрылись новые козни Снежка. Посевы пшеницы заросли сорняками и, как оказалось, это Снежок во время одного из своих ночных визитов подсыпал плевел в семенное зерно. Один гусак, посвященный в этот заговор, признался Визгуну в своем преступлении, после чего покончил с собой, наглотавшись ягод белладонны. Как теперь выяснилось, Снежок никогда не получал звания „Животное-Герой“ первой степени, как полагали прежде некоторые из животных. Эта легенда оказалась лживой, и распространил ее вскоре после Битвы у Коровника сам же Снежок. Он не только не был тогда награжден, но наоборот, заклеямен за трусость, проявленную им в этой битве. Опять кое-кто выслушал эту новость с некоторым смущением, но вскоре Визгуну удалось убедить сомневавшихся.

Ценой великих усилий и изнурительных трудов мельница была, наконец, достроена почти одновременно с завершением осенних уборочных работ. Механизмы еще предстояло поставить, и Вимпер вел переговоры об их приобретении, но само здание было готово. Вопреки всем трудностям, несмотря на отсутствие опыта, несмотря на неудачи и предательство Снежка, мельница была сдана в назначенный день. Усталые, но гордые, животные бродили вокруг своего детища, которое казалось им даже прекраснее первой мельницы. Да и стены ее были вдвое толще. Разве что взрывчаткой можно было сокрушить эти стены! И когда они вспоминали, как работали, сколько трудностей преодолели, когда думали, какие грандиозные перемены произойдут в их жизни,

когда завертятся крылья и заработают динамомашинны, они, забыв об усталости, с торжествующими криками принимались весело скакать вокруг мельницы. Сам Наполеон в сопровождении петуха и девяти псов, осмотрел объект и лично поздравил строителей с их достижениями. Он объявил, что мельница будет называться „Мельницей имени Наполеона”.

Спустя два дня все животные были созваны на специальное собрание. Сойдясь на гумне, они онемели от изумления, узнав, что Наполеон продал бревна Фредерику. Перевозка бревен была назначена на завтра, когда должны были прибыть телеги. В течение всего периода своей притворной дружбы с Пилькингтоном Наполеон, в действительности, был в тайном соглашении с Фредериком.

Все отношения с Фоксвудом были прерваны, а самому Пилькингтону было отправлено оскорбительное послание. Голуби получили указание облетать ферму Пинчфильд стороной и поменять лозунг „Смерть Фредерику!” на „Смерть Пилькингтону!”. Тогда же Наполеон заверил обитателей фермы, что слухи о готовящемся вторжении Фредерика не соответствуют действительности, а жестокость Фредерика в обращении со своими животными сильно преувеличена молвой. Возможно, что эти рассказы исходили от Снежка или его агентов. Оказалось, что Снежок прятался вовсе не в Пинчфильде, где он на самом деле ни разу в жизни не был, а наоборот, все последние годы был на содержании у Пилькингтона и в исключительной роскоши жил в Фоксвуде.

Свиньи приходили в экстаз от хитрости Наполеона. Оказывается, он, демонстрируя дружбу с Пилькингтоном, принудил Фредерика поднять цену за бревна на 12 фунтов. Но самое главное свидетельство гениальности Наполеона — это то, что он никому

из людей по-настоящему не доверяет. Фредерик хотел дать за бревна какой-то „чек”, то есть бумажку с обещанием выплатить обозначенную на этой бумажке сумму. Наполеон же оказался хитрее и потребовал уплаты вперед и наличными. Деньги уже получены, и их как раз хватит на покупку мельничного механизма.

Тем временем, бревна перевозились с большой поспешностью. А как только с ними покончили, на гумне было устроено торжественное собрание, чтобы, главным образом, полюбоваться на банкноты Фредерика. Нацепив ордена и блаженно улыбаясь, Наполеон возлежал на помосте в груде соломы, а деньги, аккуратно уложенные на взятом с кухни фарфоровом блюде, лежали рядом.

Животные гуськом, медленно шествовали мимо блюда, и у каждого было время полюбоваться банкнотами. Боксер вытянул свой нос понюхать банкноты, и легкие белые листочки затрепетали и зашелестели от его дыхания.

А через три дня был большой переполох. Вимпер примчался на своем велосипеде, бледный, как смерть, бросил велосипед во дворе и кинулся прямо в дом. Еще через секунду яростный рев из покоев Наполеона потряс ферму. Новость облетела всех с невероятной быстротой. Банкноты были поддельные! Бревна достались Фредерику даром!

Наполеон созвал всех животных и страшным голосом провозгласил смертный приговор Фредерику. „Мы его сварим живьем, когда поймаем”, — сказал он. Одновременно он заявил, что теперь следует ждать от Фредерика самого худшего. Фредерик и его люди в любой момент могут совершить давно ожидаемое нападение. У всех подходов к ферме были выставлены посты. В Фоксвуд была отправлена чет-

верка голубей с примирительным посланием, которое, как надеялись, поможет восстановить добрые отношения с Пилькингтоном.

Враг напал следующим утром. Животные завтракали, когда дозорные принесли весть, что Фредерик и его банда уже прошли через окованные железными скрепами ворота. Навстречу захватчикам была сделана доблестная вылазка, но в этот раз победа не далась животным так легко, как когда-то в Битве у Коровника. У Фредерика было полтора десятка человек и полдюжины ружей. Люди открыли стрельбу, не пройдя и пятнадцати ярдов. Несмотря на усилия Наполеона и Боксера, животные, не выдержав пальбы и свиста картечи, обратились в бегство. Многие получили ранения. Они прятались в амбарах и сараях, откуда следили за врагом через щели и отверстия от выпавших сучков. Весь большой выгон вместе с мельницей был в руках противника. На какое-то мгновение показалось, что даже Наполеон в затруднении. Он ходил в полном молчании взад и вперед, а хвост у него стоял торчком и подрагивал. То и дело он бросал тоскливые взгляды в сторону Фоксвуда. Если Пилькингтон и его люди придут на помощь, нападение можно будет отразить без труда. Как раз в эту минуту в воздухе показались голуби, отправленные в Фоксвуд накануне. Один из голубей нес лоскуток бумаги. На нем карандашом были нацарапаны слова: „Поделом тебе, скотина!” Тем временем отряд Фредерика окружил мельницу. Тревожно перешептываясь, животные наблюдали за действиями людей. Один из них нес кувалду, другой — лом. Судя по всему, они собирались ломать мельницу.

— Смелее, товарищи! — раздался визг Наполеона. — Это невозможно! Стены мельницы несокрушимы! Им не разобрать их за неделю!

Бенджамин с вниманием следил за поведением людей. Двое ломом и кувалдой долбили дыру в фундаменте мельницы. Медленно и почти изумленно Бенджамин покачал своей длинной мордой.

— Я думаю так, — сказал он, — сейчас они забьют пороховой заряд в эту дырку. Видите, что они делают?

Животные испуганно молчали. Оставить укрытия они уже не могли. Еще через несколько минут двуногие врассыпную побежали от мельницы. Раздался оглушительный взрыв. Голуби взвились в воздух, а все животные, кроме Наполеона, упали на брюхо и попрятали свои морды. Когда они поднялись, огромное облако черного дыма висело там, где только что высились стены мельницы. Ветер сносил его в сторону. Мельницы не было!

Это зрелище вернуло животным отвагу. Их страх и отчаяние утонули в ярости и ненависти к этому подлому и презренному поступку! С кличем мести на устах, не ожидая ни от кого приказаний, всем скопом они ринулись прямо на врага. Теперь они уже не обращали никакого внимания на беспощадную картечь, которая сыпалась на них градом. Это была дикая, жестокая битва. Люди падали снова и снова. А когда животные дорвались до рукопашной схватки, лупили их палками и пинали тяжелыми сапогами. Корова, три овцы и два гуся пали смертью храбрых, и почти все получили ранения. Наполеон, руководивший боевыми действиями из глубокого тыла, тоже потерял кончик хвоста, который ему отстрелило картечиной. Но и люди понесли тяжелые потери. Трое двуногих один за другим с разбитой головой пали под копытами Боксера. Еще одного забодала корова. Джесси и Блюбель изодрали в ключья штаны другого. А когда девять псов личной

охраны Наполеона, которым он приказал совершить обход под прикрытием изгороди, внезапно появились в тылу захватчиков, паника охватила их. Люди увидели, что им грозит окружение. Фредерик отдал приказ к отступлению и в следующую минуту, пока дорога еще была свободна, трусливые враги обратились в бегство. Животные долго гнались за ними по полям и нанесли им еще несколько ударов рогами и копытами, когда люди Фредерика продирались сквозь изгородь.

Животные победили, но были измучены и истекали кровью. Медленно и невесело они поплелись назад. Вид распростертых в траве погибших товарищей поверг их в слезы. Минуту они постояли в грустном молчании на том месте, где когда-то была мельница. Да, от их трудов не осталось и следа! Даже фундамент был частично уничтожен. Восстанавливая мельницу, они не смогли бы, как в прошлый раз, использовать упавшие камни. Силой взрыва их разбросало на сотни ярдов вокруг. Как будто мельницы здесь и вовсе никогда не было.

Когда они подошли к усадьбе, Визгун, который по необъяснимым причинам отсутствовал на поле боя, подбежал к ним, припрыгивая, размахивая хвостиком и сияя от радости. Торжественный выстрел из ружья донесся со двора.

— Ради чего стрельба? — спросил Боксер.

— В честь нашей Победы! — выкрикнул Визгун.

— Какой победы? — сказал Боксер. Колени у него кровоточили, он потерял подкову, разбил копыто и целая дюжина картечин засела у него в задней ноге.

— Как какая Победа, товарищ? Разве мы не изгнали врага с нашей земли — со Священной земли Фермы Энимал?

— Но они взорвали мельницу! А мы строили ее два года!

— Ну и что? Мы построим другую мельницу! Мы построим, если будет нужно, шесть мельниц! Ты, товарищ, недооцениваешь значение совершенного нами подвига. Враг стоял вот здесь, на том самом месте, где мы сейчас стоим, но — под руководством товарища Наполеона — мы не оставили ему ни пяди нашей земли!

— Мы отбили лишь то, чем владели и раньше! — сказал Боксер.

— В этом и состоит наша победа! — сказал Визгун.

Животные приплелись во двор. Картечь, засевшая под шкурой Боксера, причиняла ему жгучую боль. Боксер уже представлял в своем воображении тяжкие труды по восстановлению мельницы и мысленно укреплял себя для этой задачи. Но впервые ему пришло в голову, что ему уже 11 лет, и силы его, пожалуй, уже не те, что прежде.

Но когда животные увидели развевающийся зеленый флаг и опять услышали выстрел из ружья (а всего было сделано семь выстрелов), когда прослушали речь Наполеона, который восславил их героическое поведение, они почувствовали, что действительно одержали великую победу. Павшие в бою животные были преданы торжественному погребению. Боксер и Кlover тянули превращенную в катафалк тележку, а сам Наполеон вышагивал во главе процессии. Целых два дня были посвящены торжествам. Пели песни, снова салютовали из ружья, каждое животное в качестве особой награды получило в подарок по яблоку, каждой птице выдали по три унции зерна, а каждой собаке — по три сухарика. Было объявлено, что сражение будет называться „Битвой

за Мельницу”. Наполеон учредил новую награду, „Орден Зеленого Знамени”, первым кавалером которого провозгласил самого себя. Среди всеобщего веселья была позабыта злополучная история с поддельными банкнотами.

Как раз через несколько дней после победы свиньи натолкнулись в подвалах жилого дома на ящик виски. Они его проглядели в те дни, когда впервые заняли дом. Вечером из дома понеслись звуки громких песен, среди которых, ко всеобщему удивлению, можно было различить и отдельные строки „Всех Животных Британии”. Около половины десятого, как все заметили, Наполеон отчетливо возник из задней двери в старом котелке мистера Джонса, стремительно прогалопировал вокруг двора и вновь исчез в дверях. А утром в доме воцарилась глубокая тишина. Похоже, что ни одна свинья не могла даже пошевелиться. Только около девяти Визгун, передвигаясь медленно и с удрученным видом, совершил первый выход. Глаза его потускнели, хвостик безвольно повис сзади, весь вид его свидетельствовал о тяжелой болезни. Он созвал животных и сообщил им ужасную весть. Вождь был при смерти!

Раздались рыдания. У дверей дома постелили солому, и все животные ходили мимо дверей только на цыпочках. Они спрашивали друг у друга со слезами на глазах, как же им теперь жить без Наполеона? Прошел слух, что Снежку все-таки удалось подсыпать яду в его тарелку. В одиннадцать часов Визгун вышел сделать еще одно объявление. В качестве своей последней воли Наполеон издал торжественный декрет: употребление спиртных напитков отныне карается смертью!

К вечеру, однако, Наполеону полегчало, а на следующее утро Визгун уже смог сказать им, что

Вождь выздоравливает. К вечеру того же дня Наполеон вновь приступил к работе, а уже на другой день поручил Вимперу закупить несколько популярных брошюр по перегонке спирта и пивоварению. Через неделю Наполеон повелел перепахать небольшую лужайку за садом, которую первоначально предполагалось зарезервировать для животных, достигших пенсионного возраста. Сначала объявили, что это пастбище сильно истощено и нуждается в пересеве, но вскоре стало известно, что Наполеон намерен занять этот участок земли под ячмень.

В один из этих дней случилось странное происшествие, смысл которого едва ли кто был способен понять. Как-то в полночь со двора послышался ужасный грохот, и все животные повыскакивали из своих стойл и сараев. Ночь была лунная. Под боковой стеной большого гумна, на которой были начертаны Семь Заповедей, валялась разломанная надвое приставная лестница. Оглушенный падением Визгун, пластом лежал рядом с ней, тут же валялись фонарь, малярная кисть и опрокинутое ведро, из которого по земле растекалась белая краска. Псы вмиг окружили Визгуна и, как только он очнулся и смог подняться на ноги, сопроводили его в дом. Животные терялись в догадках, что бы все это значило. Никто ничего не понимал, за исключением старого Бенджамина, который кивал своей головой с умным видом и, казалось, все понял, но, по обыкновению, решил промолчать.

А несколько дней спустя Мюриель, перечитывая для себя Семь Заповедей, обнаружила, что еще одну заповедь животные запомнили неточно. Они думали, что в Пятой Заповеди сказано „Животное да не пьет спиртного“, а там оказалось еще три слова, о которых все почему-то забыли. Заповедь гласила: „Животное да не пьет спиртного н е в м е р у“.

IX

Разбитое копыто Боксера заживало медленно. Мельницу стали восстанавливать уже на следующий день после окончания победных торжеств. Боксер не взял освобождения от работ ни на один день. Он старался не показывать виду, что страдает от болей в ноге. По вечерам, правда, он признавался Кловер, что копыто его несколько беспокоит. Кловер делала ему припарки из жеваной травы и вместе с Бенджином уговаривала Боксера работать не надрываясь. „Лошадиные легкие тоже не вечны“, — говорила она ему. Но Боксер не слушал. „У меня только одна цель, — говорил он, — еще до ухода на пенсию убедиться, что строительство идет к завершению“. Еще когда принимали трудовое законодательство Фермы Энимал, было решено, что свиньи и лошади выходят на пенсию в возрасте 12 лет, коровы — в 14 лет, собаки — в 9 лет, овцы в семь, а куры и гуси в пять лет. Всем были обещаны щедрые пенсии. Хотя никто на ферме пенсионного возраста еще не достиг, говорили об этом в последнее время много. Теперь, так как поляну за садом отвели под ячмень, пошли слухи, что скоро участок большого выгона будет отгорожен и превращен в специальное пастбище для пен-

сионеров. Для лошадей пенсия была определена в свое время в размере 5 фунтов зерна в день летом и 15 фунтов сена зимой. По общественным праздникам предполагалось выдавать еще и морковку или, может быть, яблоко. Боксеру исполнялось 12 лет в августе следующего года.

Между тем, жилось на ферме нелегко. Зима оказалась не теплее, чем в прошлом году, а пищи было еще меньше. Для всех, кроме свиней и псов, пришлось еще сократить продовольственную пайку. „Уравниловка, — объяснил Визгун, — противоречит принципам Энимализма”. Он доказывал без труда, что, хотя так и может иногда показаться, но в действительности никакой продовольственной проблемы на ферме не существует. Конечно, ситуация в текущий момент вынудила произвести пересмотр продовольственных норм (Визгун всегда говорил не „сокращение”, а именно „пересмотр”), но в сравнении с временами Джонса общее улучшение питания животных — огромное. Он зачитывал цифры пронзительной скороговоркой, детально показывая, что они теперь получают больше овса, больше сена, больше кормовой свеклы, чем во времена Джонса, что питьевая вода у них теперь гораздо лучшего качества, рабочий день короче, продолжительность жизни увеличилась, а детская смертность сократилась, что соломы в стойлах стало больше, а мух меньше. Животные ему верили. Сказать по правде, все, что было при Джонсе, почти полностью выветрилось из их памяти. Они сознавали, что теперешняя их жизнь тяжка и сурова, что они часто голодают и часто мерзнут и от работы свободны разве что во сне. Но, конечно же, раньше было еще хуже. В это они охотно верили. А главное, раньше они были рабами, а теперь освободились, в этом принципиальная разница, все время подчеркивал Визгун.

Ртов на ферме прибавилось. Осенью четыре свиноматки опоросились почти одновременно, родив общим счетом тридцать одного поросенка. Все они были пегие и вычислить их происхождение было нетрудно! Наполеон оставался единственным нехолощенным кабаном на ферме. Впоследствии, как только появятся кирпичи и бревна, предполагалось построить в саду школу. Пока же Наполеон лично руководил воспитанием поросят на кухне. Поросята занимались спортом в саду и им не рекомендовалось играть с другими несовершеннолетними животными. Примерно тогда же было установлено правило, что когда свинья встречается на тропинке с каким-нибудь другим животным, последнее должно посторониться и уступить дорогу, а также, что все свиньи любого звания имеют исключительное право носить зеленый бантик на хвосте по воскресеньям.

Сезон завершили сравнительно успешно, но денег все равно не хватало. Предстояло закупить песок, кирпич и известку для строительства школы, к тому же опять надо было копить средства на мельничный механизм. А кроме того, были нужны свечи и керосин для дома и сахар на стол Наполеону (другим свиньям Наполеон запретил есть сахар, заботясь о том, как бы они не ожирели). Требовалось пополнить таявшие запасы гвоздей, шпагата, угля, проволоки, заплат, собачьих сухарей, различных инструментов, пришлось продать стог сена и часть урожая картофеля, а поставки яиц на рынок увеличить до шести сотен в неделю, так что цыплят куры высиживали совсем немного, только чтобы поддержать поголовье на прежнем уровне. Кормовой рацион, урезанный в декабре, в феврале сократили вторично и, в целях экономии, было запрещено зажигать керосиновые лампы в стойлах. Но свиньи не были похожи на го-

лодающих и даже прибавляли в весе. Как-то в конце февраля после полудня, теплый, сильный, аппетитный запах, неслыханный никогда ранее, разнесся по двору из заброшенной еще при Джонсе пивоварни. Кто-то сказал, что очень похоже пахнет вареный ячмень. Животные жадно втягивали в себя воздух и гадали: не им ли на ужин готовится это варево? Но никакого варева они во всяком случае не получили, а в следующее воскресенье вышел указ, согласно которому весь ячмень отныне будет поступать в распоряжение свиней. Полянка за фруктовым садом уже была засеяна. А вскоре поползли слухи, что в ежедневный рацион каждой свиньи входит теперь пинта пива. Сам Наполеон получал полгаллона пива в день, которое всегда подавали в супнице фирмы „Краун Дербн“.

Лишения, которые приходилось нести, хотя бы отчасти скрашивались тем, что жизнь теперь стала торжественнее и красивее. Было больше песен, речей, шествий. Наполеон решил проводить раз в неделю Стихийную Демонстрацию в память о победах и сражениях фермы Энимал. В назначенное время все животные, оставив работу, должны были в воинском строе и маршевым шагом делать круг почета вдоль всех границ фермы. Во главе процессии шли свиньи, следом за ними лошади, потом коровы, овцы и домашняя птица. Псы бежали по бокам, а черный петух Наполеона вышагивал впереди колонны демонстрантов. Боксер и Кlover всегда носили зеленое знамя с копытом и рогом, украшенное лозунгом „Да здравствует товарищ Наполеон!“. После демонстрации декламировали сложенные в честь Наполеона стихи, Визгун делал доклад, в коем знакомил животных с деталями последних достижений в области производства продуктов питания, а иногда палили

из ружья. Овцы были величайшими энтузиастами Стихийных Демонстраций. Если кто-то ворчал (такое случалось, когда свиней и псов не было рядом), что они зря теряют время на глупости, выстаивая на холоде часами, овцы непременно прерывали ворчание единодушным блеянием: „Четыре — хорошо, две — плохо!“. Но в общем, эти торжества доставляли животным радость. Ведь они напоминали им, что, в конце концов, они и вправду хозяева самим себе и работают только на себя — и это служило им утешением. Песни и шествия, цифровые сводки Визгуна, ружейная пальба, петушиные клики и колыхание знамен помогали им забывать о пустом брюхе хотя бы ненадолго.

В апреле ферма Энимал была провозглашена Республикой, и возникла необходимость избрать Президента. Кандидатура Наполеона получила всенародное одобрение, и избрание его произошло единодушно. В тот же день Визгун сообщил, что открылись новые документы, которые содержат ранее неизвестные подробности о предательстве Снежка. Снежок не просто пытался, как прежде полагали, изменнически проиграть Битву у Коровника, но и открыто выступал на стороне Джонса. Это именно он возглавил действия двуногих и бросился против животных с кличем „Да здравствует человечество!“ на устах. Раны на спине Снежка, о которых кое-кто из животных еще помнил, были следами клыков Наполеона.

В середине лета, после нескольких лет отсутствия, на ферму неожиданно вернулся ворон Мойсей. Он совершенно не изменился, по-прежнему бездельничал и рассказывал теми же словами, что и раньше, небылицы про Леденцовые Горы. Он взлетал на вершину дерева, хлопая черными крыльями, и часами рассказывал всем, кто был расположен его

слушать. „Там, высоко в небе, за облаками, находятся Леденцовые Горы”, — торжественно произносил он, указывая вверх своим большим клювом, — блаженная страна, где мы, несчастные животные, можем освободиться от наших тяжелых трудов!”. Он даже утверждал, что как-то долетел туда и увидел вечно зеленые поля клевера, льняные жмыхи и колотый сахар, которые растут прямо на заборах. Многие животные верили ему. Их жизнь, считали они, была голодной и трудной, и разве не было бы справедливо, если бы где-то существовал лучший мир? Трудно было определить, как к Моисею относились свиньи. Все они презрительно отвергали рассказы о Леденцовых Горах как плоды его воображения, и все же разрешали ему оставаться на ферме, не работая, и даже определили ему четверть пинты пива в день.

Как только копыто у Боксера зажило, он налег на работу еще ретивее. В этом году, правда, все животные работали как проклятые. В дополнение к повседневным полевым работам и восстановлению мельницы нужно было еще строить начатую в марте школу для поросят. На пустой желудок трудно было выдерживать долгий рабочий день, но Боксер был непоколебим. Ни в том, что он говорил, ни в том, что делал, не было никаких признаков упадка сил. Вот только внешность Боксера, пожалуй, изменилась: шерсть не лоснилась больше, а тощие ноги как будто усохли. Некоторые животные уверяли, что Боксер поправится, как только появится весенняя травка, но вот весна пришла, а Боксеру нисколько не полегчало.

Иной раз, когда напряжением всех своих сил Боксер придерживал какой-нибудь огромный валун, скользящий по склону каменного барьера, казалось, что он держится на ногах только усилием воли.

Можно было увидеть, как губы его складываются в слова: „Я буду работать еще лучше!” — голоса у него уже не оставалось. Снова и снова Кlover с Бенджамином умоляли его побережь здоровье, но он их не слушал. Приближался день, когда ему должно было исполниться 12 лет. Боксер был готов на что угодно, лишь бы до выхода на пенсию набрать достаточный запас камня для мельницы.

Однажды в поздний летний вечер внезапный слух пронесся по ферме: с Боксером, который ушел ворочать камни в одиночку, что-то случилось. Слух оказался верен. Еще через несколько минут два голубя, обгоняя друг друга, примчались с вестью: Боксер упал! Он лежит на боку и не может подняться!

Чуть не половина всех животных фермы понеслась на пригорок к мельнице. Боксер лежал между оглоблями телеги, вытянув шею и не в силах приподнять головы. Глаза его потускнели, а бока покрылись испариной. Тонкий ручеек крови струился изо рта. Clover опустилась рядом на колени.

— Боксер! — сказала она. — Что с тобой?

— Легкие, — сказал Боксер едва слышно. — Но это не важно. Я думаю, вы теперь справитесь и без меня. Камней мы наготовили прилично. А у меня все равно оставался до пенсии только один месяц. Сказать по правде, я уже с нетерпением ждал ее. Может быть, и Бенджамин, который тоже стар, отпустят вскоре на покой, и он составит мне компанию...

— Нужно немедленно послать за помощью, — сказала Clover. — Пусть кто-нибудь сбегает и известит Визгуна.

Все помчались назад в усадьбу. Остались только Clover и Бенджамин, который лег рядом с Боксером

и, ничего не говоря, стал отгонять от него мух своим длинным хвостом. Через четверть часа пришел Визгун, всем своим видом выражая огорчение и сочувствие, и сказал, что Товарищ Наполеон как величайшее несчастье воспринял это печальное происшествие с одним из самых верных тружеников фермы. Он уже готовит все необходимое для отправки Боксера на лечение в Виллингдонскую больницу. Животные почувствовали беспокойство. Никто еще, кроме Снежка и Молли, ни разу не покидал эту ферму, и мысль о том, что их товарищ окажется в руках двуногих, им не нравилась. Визгун, однако, с легкостью доказал, что хирург-ветеринар в Виллингдоне вылечит Боксера успешнее, чем это можно сделать в условиях фермы. Где-то через полчаса Боксер несколько оправился и, хотя и с трудом, смог доташиться до своего стойла, где Кlover с Бенджаминном соорудили для него мягкую постель из соломы.

Следующие два дня Боксер отлеживался у себя в стойле. Свиньи вынесли ему из ванной комнаты в доме большую бутылку розового снадобья, которое им попало в аптечном сундуке, и Кlover давала его Боксеру два раза в день после еды. Вечера она проводила в его стойле, разговаривая с ним, а Бенджамин отгонял от них мух. Боксер признавался, что не жалеет о случившемся. После полного выздоровления он надеялся прожить еще года три и уже предвкушал эти спокойные дни, которые он проведет на отгороженном пастбище для ветеранов. Впервые у него появится досуг для самообразования. Боксер говорил, что все свое свободное время посвятит изучению алфавита.

Но Бенджамин и Кlover могли быть с Боксером только по вечерам, а фургон приехал за Боксером в середине дня. Животные под надзором свиней

занимались прополкой репы, когда вдруг показался Бенджамин, который несся вскачь со стороны усадьбы и орал во всю свою ослиную глотку. Впервые они видели его в таком волнении, да и как Бенджамин скачет галопом, тоже раньше видеть не приходилось.

— Скорее! Скорее! — кричал он. — Боксера забирают!

Не дожидаясь никаких приказаний от свиней, животные бросили работу и понеслись в усадьбу. Во дворе, действительно, стоял крытый фургон, запряженный двумя лошадьми, с надписью на боку. На кучерском месте сидел сомнительной наружности человек в котелке, надвинутом на глаза. В стойле Боксера никого не было.

Животные гурьбой окружили фургон. „До свидания, Боксер! — хором закричали они. — Выздоровливай!”

— Идиоты! — заорал Бенджамин. — Идиоты! — Он носился вокруг фургона и вставал от волнения на дыбы. — Вы что, не видите, что там написано на боку этого фургона?

Животные пришли в замешательство и смолкли. Мюриель принялась было читать надпись по слогам, но Бенджамин отпихнул ее и среди мертвой тишины выкрикнул: „Альфред Сим онс. Виллингдон. Убой лошадей и варка клея. Торговля шкурами и костяной мукой. Поставки мяса на псарни”.

— Вы понимаете, что это значит? Боксера везут на живодерню!

Раздались крики ужаса. Но в этот миг человек на козлах хлестнул своих лошадей, и фургон выкатил со двора. Лошади проворно перебирали ногами. Все выбежали вслед за фургоном, крича что было сил. Кловер бежала впереди. Фургон набирал скорость. Силясь пуститься вскачь на своих негнущихся ногах,

Кловер с трудом перешла на неровный галоп. „Боксер, — кричала она, — Боксер! Боксер! Боксер!”

В эту минуту Боксер как будто услышал шум снаружи, и морда его с белой полосой появилась в маленьком заднем окошечке фургона.

— Боксер! — ржала Кловер в отчаянии. — Боксер! Прыгай! Прыгай скорее! Они везут тебя на смерть!

— Прыгай, Боксер, прыгай, — подхватили остальные, но набравший скорость фургон уже уносился от них. Было даже неясно, дошел ли до Боксера смысл слов Кловер. Но тут вдруг его морда в окошке исчезла, а из фургона послышались звуки барабнящих в стены копыт. Видимо, он пытался пробиться на волю. В былые времена Боксеру хватило бы двух ударов копытами, чтобы разнести фургон в щепки. Но, увы, силы уже оставили его. Звуки ударов ослабли, а еще через несколько секунд стихли совсем. В отчаянии животные стали взывать к уносившим фургон лошадям. „Товарищи! Товарищи! Остановитесь! Не губите Боксера! Он ваш брат!”. Но две глупые и невежественные скотины даже не понимали, о чем это им кричат, только поводили ушами и все ускоряли бег. Морда Боксера больше не показывалась в окошке. Кто-то догадался, что надо обогнать фургон и захлопнуть окованные железными скрепами ворота, но было уже поздно. Через минуту фургон миновал их и быстро исчез на дороге внизу.

Никто никогда не увидел больше Боксера. Через три дня было объявлено, что он скончался в больнице, окруженный наивысшим вниманием и заботой, какие когда-либо выпадали на долю лошади. Новость принес Визгун, уверявший, что присутствовал при последних часах жизни Боксера

— Я в жизни не видел более трогательного зре-

лица, — хрюкал Визгун, смахивая слезу. — Я был с ним до самого конца. И перед смертью, уже теряя голос, он прошептал мне на ухо: „Единственное, о чем я сожалею, — что мельница еще не достроена! Вперед, товарищи! — прошептал он мне. — Вперед к победе Энимализма! Да здравствует ферма Энимал, да здравствует товарищ Наполеон! Наполеон всегда прав!” — таковы были его последние слова, товарищи!

Вдруг весь облик Визгуна переменялся. Он на мгновение смолк, его маленькие глазки подозрительно пометались в одну сторону, в другую — и он продолжил:

— Нам стало известно, — сказал он, — что когда Боксера увозили, кто-то распустил неумный и вредный клеветнический слух, порочащий нашу ферму. На фургоне будто бы заметили надпись „Убой лошадей” и вообразили, что Боксера увозят на живодерню. Кто мог придумать эту глупость? Я уверен, что вы лучшего мнения о нашем любимом вожде, товарище Наполеоне, — вопил Визгун возмущенно, держа животиком и прыгая из стороны в сторону. — А все это очень просто объяснить, товарищи! Раньше фургон принадлежал живодеру, который продал его хирургу-ветеринару, а тот не замазал старую надпись. Вот так возникла эта ошибка.

Животные выслушали его с большим облегчением. А когда Визгун пустился в описания дальнейших подробностей мужественного поведения Боксера на смертном одре, забот, которыми он был окружен, дорогостоящих лекарств, невзирая на цены заказанных для него Наполеоном, последние сомнения отпали. Боксер, по крайней мере, умер счастливым; эта мысль смягчала им горечь утраты.

В следующее воскресное утро Наполеон сам появился на собрании и произнес краткую речь в память

о Боксере. Вернуть останки Боксера для погребения на ферме, как оказалось, не было возможности. Но он, Наполеон, велел сделать большой лавровый венок и послать его на могилу Боксера. „А еще через несколько дней, — сказал Наполеон, — свиньи устроят Боксеру торжественные поминки”. Наполеон закончил свою речь напоминанием о двух знаменитых изречениях Боксера: „Я буду работать еще лучше” и „Товарищ Наполеон всегда прав”. „Эти замечательные изречения не мешало бы накрепко усвоить всем на ферме”, — сказал он.

В день, назначенный для поминок, из Виллингдона прикатил фургон бакалейщика и доставил на ферму большой деревянный ящик. Весь вечер из дома доносились звуки шумных песен, пение потом перешло в что-то очень похожее на неистовую перебранку, а окончилось все около одиннадцати часов ужасным грохотом стекол. До полудня в доме не шелохнулась ни единая душа, и на ферме решили, что свиньи, наверное, опять раздобыли где-то денег на ящик виски.

Х

Прошло несколько лет. Уходил год за ходом, а с ними проносилась и краткая жизнь животных. Настало время, когда уже никто на ферме не помнил прежних дней до Восстания, кроме Кlover, Бенджамина, ворона Моисея и нескольких свиней.

Скончалась коза Мюриель. Расстались с жизнью Блюбель, Джесси и Пинчер. Давно не было в живых Джонса, он умер в больнице для алкоголиков на другом конце страны. Снежок был забыт совершенно. И Боксера позабыли все, кроме тех, кто когда-то дружил с ним. Кlover сильно погрузнела и одряхла, ноги у нее не гнулись в суставах, а глаза слезились. Прошло уже два года с тех пор, как она достигла пенсионного возраста, но еще никто на ферме до сих пор не был отпущен на покой. Толки о выделении для престарелых ветеранов специального уголка на пастбище давно заглохли. Наполеон стал матерым кабаном весом в полтора центнера. Визгун так разжирел, что едва разнимал заплывшие салом веки. Только старый Бенджамин почти не изменился, разве что морда слегка поседела да со времени смерти Боксера он стал еще более угрюм и неразговорчив.

Число обитателей фермы теперь порядком возросло, хотя и не в такой значительной степени, как когда-то ожидалось. Для родившихся на ферме животных Восстание было всего лишь туманным преданием, воспринятым с чужих слов. Те же, кого ферма купила в последние годы, и вовсе до своего появления здесь не слыхали ни о чем подобном. На ферме трудились три новые лошади, помимо Кловер, красивые и сильные, хорошие работяги и добрые товарищи, но уж очень глупые.

В изучении алфавита ни одна из них не могла продвинуться дальше буквы „Б”. Главным образом, со слов Кловер, к которой они питали почти дочернее почтение, они затвердили все, что им рассказали о Восстании и принципах Энимализма, но вряд ли многое поняли из рассказанного.

Ферма процветала, управление ее улучшилось, она даже расширилась за счет двух соседних полей, купленных у мистера Пилькингтона. Ветряная мельница была в конце концов благополучно достроена, на ферме была теперь своя собственная молотилка и сенозеватор, прибавилось несколько новых хозяйственных построек. Вимпер приобрел себе экипаж. Ветряная мельница, правда, не вырабатывала электроэнергии. На ней мололи кукурузу и получали от этого немалую прибыль. Строилась другая мельница. Говорили, что когда эта стройка будет завершена, введут, наконец, и динамомашину. Но об изобилии, о котором когда-то учил животных мечтать Снежок, о стойлах с электрическим освещением, водопроводом с горячей и холодной водой, о трехдневной рабочей неделе — больше не поминали. Наполеон отверг эти идеи как противоречащие духу Энимализма. „Истинное счастье, — говорил он, — состоит в усердном труде и умеренной жизни”.

Как-то получалось, что ферма разбогатела, нисколько не сделав счастливее самих животных, за исключением, конечно, свиней и псов. Отчасти так случилось, может быть, оттого, что свиней и псов развелось слишком много. Не то чтоб эти создания сидели без дела. Как не уставал разъяснять Визгун, организация, учет и контроль не оставляли свиньям ни минуты покоя. Значительная доля этих забот была такого рода, что прочие животные, по своему невежеству, ничего в них не понимали, и поэтому сами не могли принять в них участие. К примеру, Визгун говорил, что свиньи ежедневно вынуждены затрачивать неимоверные усилия на загадочные планы и „отчеты”, „дела”, „протоколы” и „докладные”. Они представляли собой большие листы бумаги, которые необходимо было исписать как можно гуще, после чего их обычно сжигали в печи. Визгун говорил, что эта работа имеет чрезвычайное значение для благосостояния фермы. Возможно, так оно и было, но во всяком случае никакой пищи своим собственным трудом ни свиньи, ни псы не производили, а было их много, и отсутствием аппетита они никогда не страдали.

Что касается всех остальных, то жизнь их шла как всегда. Обыкновенно они терпели муки голода, спали на соломе, пили воду из луж, трудились в поле, зимой страдали от стужи, летом от мух. Иногда те кто постарше, напрягали свою слабую память и пытались разобраться, как они жили в первые дни после Восстания, сразу после изгнания Джонса, — лучше или хуже, чем теперь. Но из этих попыток ничего не выходило. Им не с чем было сравнивать свое теперешнее житье, не с чем было иметь дело, кроме сводок Визгуна, которые неизменно свидетельствовали: жизнь становится все лучше и лучше. Животные сошлись на том, что вопрос этот неразрешим, да и време-

ни думать над такими вещами у них было немного. Только старый Бенджамин был уверен, что помнит каждый самый незначительный эпизод в своей долгой жизни и знает, что никогда не было — да и не могло быть — как-то особенно лучше или хуже. „Голод, лишения и разочарования, — говорил он, — это неизменный закон жизни”.

И все-таки животные никогда не расставались с надеждой. Мало того, они гордились тем, что являются гражданами фермы Энимал, сознавая это своей привилегией, и ни на миг не теряли этого сознания. Они были единственной фермой во всей стране — во всей Англии! — которая принадлежала животным и которой управляли животные. Даже самые младшие, даже новички, купленные фермой за тридевять земель, не переставали восхищаться этим. И когда они слышали праздничный салют, видели, как развевается зеленый стяг на флагштоке, сердца их вновь переполнялись неизбывной гордостью, и они пускались в воспоминания о славных героических днях изгнания Джонса, о создании Семи Заповедей или о великой Битве, где были побиты двуногие захватчики. Они не оставили ни одну из своих старых грез. Они все еще верили, что настанет день, когда нога Человека не будет ступать по зеленым полям Англии, они верили в Республику Животных, предсказанную Майором. Когда-нибудь все это будет, возможно, не скоро, возможно, не при жизни нынешнего поколения, но будет. Даже „Всех Животных Британии”, видимо, втайне пели — то там, то здесь. Во всяком случае каждый на ферме знал мотив этого гимна, хотя никто и не осмелился бы запеть его вслух. Пусть их жизнь была тяжела, пусть не все их чаяния исполнялись, но все-таки они сознавали себя не такими как все. Если они голодают, то не

потому, что содержат двуногих тиранов. Если труд их и тяжел, работают они в конце концов на себя. Никто из них не ходит на задних лапах. Ни одно животное не называет другое животное "хозяин". Все животные равны.

Как-то раз в начале лета Визгун велел овцам следовать за ним и отвел их на пустырь, поросший молодыми березами на дальнем конце фермы. Овцы провели там целый день, объедая листву под надзором Визгуна. Вечером сам он возвратился в усадьбу, но овцам велел переночевать на пустыре, благо погода была теплая. Кончилось все тем, что овцы пробыли там всю неделю, и ни одно другое животное не виделось с ними все это время. Визгун проводил с овцами большую часть дня, сказав, что разучивает с ними новую песню, которая требует уединения.

Как раз в день возвращения овец, прекрасным летним вечером, когда животные закончили работу и держали путь в усадьбу, со двора раздалось испуганное ржание лошади. Пораженные животные остановились. Это был голос Кlover. Когда она заржала опять, все бегом устремились вперед. Тут они увидели, что лицезрела Кlover.

Свинью, которая разгуливала на задних ногах.

Конечно, это был Визгун. Несколько неуклюже — видимо, сказывался избыточный вес, — но все-таки удерживая равновесие, он прогуливался по двору. Минутой позже из дверей жилого дома вышла длинная вереница свиней, все на задних ножках. Иные проделывали это прытче остальных, а одна или две, наоборот, ступали нетвердо и им, похоже, совсем не помешали бы тросточки для опоры, — но все успешно одолели весь путь вокруг двора. И, наконец, под устрашающий лай псов и пронзительное кукареканье петуха, с величественной прямой осанкой, бросая над-

менные взоры по сторонам, вышел Наполеон собственной персоной с собаками, скачущими вокруг него.

Он нес с собою бич.

Воцарилась мертвая тишина. Пораженные, напуганные, сгрудившись в кучу, смотрели животные на длинную вереницу свиней, которые неспешно вышагивали по периметру двора. Казалось, весь мир перевернулся вверх дном. Потом наступил момент, когда первое потрясение улеглось и когда они, вероятно, все-таки возроптали бы — несмотря на страх перед псами и вопреки выработанной годами привычке никогда и ни в чем не перечить начальству... Но как раз в этот самый момент, как по сигналу, хор овец оглушительно заблеял:

ЧЕТЫРЕ НОГИ — ХОРОШО, ДВЕ НОГИ — ЛУЧШЕ! ЧЕТЫРЕ — ХОРОШО, ДВЕ — ЛУЧШЕ! ЧЕТЫРЕ — ХОРОШО, ДВЕ — ЛУЧШЕ!

И это продолжалось минут пять без перерыва. А когда овцы смолкли, возможность как-то выразить свое недовольство была упущена, потому что свиньи уже промаршировали в дом.

Бенджамин почувствовал, что кто-то носом прижался к его плечу. Он оглянулся. Это была Кlover. Ее старые глаза потускнели еще больше. Не говоря ни слова, она осторожно потянула его за гриву и повела задворками к стене большого гумна, где были начертаны **СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ**. Минуты две они стояли, вглядываясь в буквы, белеющие на фоне черной, просмоленной стены.

— Я теперь вижу плохо, — сказала, наконец, Кlover. — Правда, я в молодости никогда не могла разобрать, что там написано. Но мне сдается, что стена выглядит как-то не так, как раньше. Бенджамин, Семь Заповедей не изменились?

Впервые Бенджамин отступил от своих правил.

Он прочел вслух все, что было написано на стене. Теперь там была одна-единственная надпись:

ВСЕ ЖИВОТНЫЕ РАВНЫ, НО ЕСТЬ ЖИВОТНЫЕ РАВНЕЕ ДРУГИХ.

После этого никому уже не показалось странным, когда на следующий день свиньи, надзиравшие за полевыми работами, все принесли с собой бичи. Никого не удивило, что свиньи купили себе радио, собрались установить телефон, подписались на „Джона Буля“, „Тит Битс“, и „Дейли Миррор“. Не показалось странным, когда увидели Наполеона на прогулке в саду с трубкой в зубах и даже когда свиньи выволокли весь гардероб мистера Джонса из платяного шкафа и напялили на себя. Сам Наполеон стал носить черное пальто, охотничьи штаны и кожаные краги, а его любимая хрюшка — шелковое муаровое платье, которое миссис Джонс, бывало, носила по воскресеньям.

Неделю спустя, в послеполуденное время, к ферме подкатило несколько экипажей — депутация соседних фермеров, приехавших с ознакомительными целями по приглашению Наполеона. Они оглядели всю ферму и выразили величайшее восхищение увиденным и, особенно, мельницей. Животные пололи репу. Они работали прилежно, едва отрывая морды от земли и не зная, кого бояться больше — свиней или двуногих посетителей.

Весь этот вечер из дома доносились громкий смех и взрывы пения. И звучание этих смешных голосов пробудило в обитателях фермы внезапное любопытство. Что случилось? Что это вдруг впервые заставило встретиться на равных людей и животных? Не сговариваясь, они единодушно решили пробраться в сад. У калитки вышла заминка, многие побаивались идти дальше, но Кловер показала пример. Они подкрались

к дому и те, кому позволял рост, заглянули в окно гостиной. Там, за длинным столом, сидело человек шесть фермеров и полдюжины наиболее высокопоставленных свиней. Сам Наполеон занимал почетное место во главе стола. Свиньи восседали на стульях вполне непринужденно. Компания сидела за картами, но устроила перерыв, чтобы выслушать тост. По кругу передавался большой кувшин, бокалы наполнялись пивом. Никто не замечал заглядывающих в окно животных.

Мистер Пилькингтон из Фоксвуда поднял свой бокал.

— Через минуту, — сказал он, — я призову всех присутствующих осушить эти бокалы. Но я чувствую, что сперва обязан сказать несколько слов.

— Для меня, — сказал он, — было источником глубокого удовлетворения, — и я уверен, что и для всех присутствующих тоже, — почувствовать, что длительный период недоверия и взаимного непонимания теперь подошел к концу. Было время, когда (не то чтобы я или кто из присутствующих разделял такие чувства), но было время, когда к уважаемым руководителям фермы Энимал их соседи-люди относились — я бы не сказал „с враждебностью”, — но, возможно, с определенной долей недоверия. Имели место прискорбные недоразумения, получали распространение ошибочные суждения. Почему-то полагали, что само существование фермы, которой владеют и управляют свиньи — ненормально. Что оно будет оказывать разлагающее влияние на окружающий мир. Слишком многие фермеры без должного исследования вопроса пришли к выводу, что на такой ферме возобладает дух своеволия и анархии. Они беспокоились насчет возможного отрицательного влияния на своих собственных животных и даже на

сельскохозяйственных рабочих. Однако ныне все эти сомнения полностью рассеяны. Сегодня я и мои коллеги посетили ферму Энимал и собственными глазами подробнейшим образом осмотрели ее. И что же мы обнаружили? Не только самую современную технологию, но и дисциплину и порядок,каковые повсюду должны стать образцом для всех фермеров. Я уверен, что не ошибусь, сказав, что рабочий скот фермы Энимал трудится больше, а кормов переводит меньше, чем какая бы то ни было домашняя скотина в стране. В самом деле, я и мои спутники обратили внимание сегодня на многие полезные нововведения, которые мы хотим незамедлительно внедрить и в своих владениях.

Я закончу свои замечания, — сказал он, — тем, что подчеркну еще раз те дружеские чувства, которые питают друг к другу и должны питать руководители фермы Энимал и их соседи. Между свиньями и представителями рода человеческого нет и не может быть никаких противоречий. Они ведут одну и ту же борьбу и сталкиваются с теми же самыми трудностями. Разве проблема рабочей силы не стоит перед вами так же как и перед нами? — тут стало ясно, что мистер Пилькингтон намерен поделиться с компанией какой-то заранее подготовленной остротой, но в течение целой минуты не был в состоянии выговорить ее, борясь с охватившим его смехом. Поперхнувшись несколько раз так, что его многочисленные подбородки побагровели, он, наконец, выдавил из себя: „Если у вас есть ваш рабочий скот, то и у нас есть так называемый рабочий класс!”.

Эта шутка вызвала за столом взрыв хохота, а мистер Пилькингтон еще раз поздравил свиней с низким уровнем кормовых затрат, продолжительностью рабочего дня и общим состоянием дисциплины на ферме Энимал.

— А теперь, — сказал он, — я бы попросил всех встать и проверить, полны ли ваши бокалы. Джентльмены! — сказал он в заключение, — джентльмены, я предлагаю тост „За процветание фермы Энимал!“.

В ответ раздались одобрителльные возгласы и топанье ног. Наполеон так растрогался, что оставил свое место и обошел стол кругом, дабы чокнуться с мистером Пилькингтоном. И лишь затем опрокинул свой бокал. Когда аплодисменты смолкли, Наполеон, который продолжал стоять, объявил, что и он желает сказать несколько слов.

Как и все выступления Наполеона, эта речь была краткой и касалась самой сути дела.

— Я тоже счастлив, — сказал он, — что период взаимного непонимания подошел к концу. В течение долгого времени бытовали суждения, распространяемые, — у нас есть основания так думать, — одним коварным врагом, будто есть нечто подрывное и даже революционное в воззрениях моих и моих коллег. О нас думали, будто мы стремимся к разжиганию мятежей домашнего скота на соседних фермах. Ничто не может быть дальше от истинного положения вещей! Мое заветное желание — теперь, как и прежде, — это жить в мире и поддерживать нормальные деловые отношения со своими соседями. Кстати, эта ферма, — добавил он, — которой я имею честь управлять, является кооперативным предприятием. Имеющиеся у нас документы на владение являются коллективной собственностью всех свиней.

— Я не верю, — продолжал он, — что старые подозрения еще тревожат наших соседей. Тем не менее, совсем недавно в заведенных на ферме порядках были осуществлены кое-какие перемены, которые еще больше укрепят к ней доверие. До сих пор животные фермы придерживались дурацкого обычая обращать-

ся друг к другу со словом „товарищ”. Отныне это будет запрещено. Был еще один очень странный обычай, происхождение которого неизвестно, — каждое воскресенье маршировать перед свиным черепом, прибитым в саду на столбе. Это тоже будет запрещено, а череп уже предан земле. Наши гости, должно быть, видели зеленое знамя, которое развевается на флагштоке. Если так, то вы, наверное, обратили внимание, что белое копыто и рог, ранее на нем вышитые, теперь удалены. Отныне и впредь у нас будет просто зеленое знамя.

— У меня есть только одна поправка, — сказал он также, — к замечательному и добрососедскому выступлению мистера Пилькингтона. Мистер Пилькингтон все время говорил „ферма Энимал”. Разумеется, он не мог знать — ибо я только теперь впервые об этом объявляю — название „ферма Энимал” отменяется. Отныне ферму следует именовать „ферма Мэнор”, ибо я полагаю, что именно таково ее истинное и исконное название.

— Джентльмены! — закончил свое выступление Наполеон. — Я предлагаю тот же самый тост, только чуть-чуть по-другому. Наполните ваши бокалы до краев. Вот мой тост, джентльмены: за процветание „фермы Мэнор”!

Снова послышались искренние возгласы одобрения, и бокалы были осушены до дна. Но животным, которые наблюдали сцену снаружи, казалось, будто происходит что-то очень странное. Что случилось со свинными рылами? Взгляд старых тусклых глаз Кловвер переходил с одной морды на другую. На той было пять подбородков, на этой четыре, еще на одной — три. Все это как-то растекалось и меняло форму. Когда апплодисменты стихли, компания снова взялась за карты и вернулась к прерванной игре, а животные молча побрели прочь.

Они, однако, не прошли и двадцати ярдов, как вдруг остановились. Из дома донесся шум голосов. Бросившись назад, они вновь заглянули в окошко. В доме разгорался странный скандал: крики, удары по столу, пронзительные подозрительные взгляды, неистовые отрицания. Мистер Пилькингтон и Наполеон оба одновременно сыграли тузом пик — это и оказалось источником конфликта.

Из двенадцати глоток раздавались совершенно одинаковые злобные вопли. Стало понятно, что сделалось со свинными рылами. Животные снаружи переводили взгляд от свиньи к человеку, от человека опять к свинье, но кто был кем, различить было уже невозможно.

(ноябрь 1943 – февраль 1944)

Джордж Орвелл (Оруэлл) родился в 1903 г. в Бенгалии, где его отец служил в британской колониальной администрации. Настоящее имя писателя — Эрик Артур Блэр.

В 1933 г. вышел первый роман Джорджа Орвелла — „Без гроша в Париже и Лондоне”, в последующие годы — „Бирманские дни”, „Дочь священника” и др. В 1936 г. Джордж Орвелл уезжает в республиканскую Испанию. Гражданскую войну в Испании, где он получил ранение в горло, Орвелл описал в книге „Памяти Каталонии”, изданной в 1938 г. После Испании Орвелл поселился на ферме — разводил кур, выращивал овощи и одновременно работал над своими романами и эссе. Во время второй мировой войны был в ополчении гражданской обороны. В конце 1943 — начале 1944 года Джордж Орвелл пишет повесть-сказку „Ферма Энимал”. В 1949 г. выходит в свет его роман „1984”.

21 января 1950 г. Джордж Орвелл умер от туберкулеза.

* * *

Сравнивая Орвелла с Кафкой, современный исследователь пишет: „Жизнь присверхтоталитаризме — вот кошмар Орвелла. Жизнь сама по себе — кошмар Кафки. Может быть, поэтому (я хочу надеяться) в XXI в. будут читать Кафку, а Орвелла оставят историкам литературы. Но сегодня он важнее Кафки” (Джордж Вудкок „Кристалльный дух”).

(Из предисловия к переводу
„Фермы Энимал”)

